

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ОБЪЕКТ
ЗАКРЫТОГО ДОСТУПА

**МАРШ
ТУРЕЦКОГО**

Новый роман

РОССИЯ
ТЕЛЕКАНАЛ

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Объект закрытого доступа

«Автор»

2005

Незнанский Ф. Е.

Объект закрытого доступа / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2005 — (Марш Турецкого)

В Москве происходит череда загадочных убийств, жертвы которых, на первый взгляд, ничем не связаны друг с другом. Одновременно в российские спецслужбы поступает информация о том, что таинственная организация, называющая себя «Русская бригада», готовит в столице серию страшных терактов. На карту поставлены жизни миллионов горожан. Разоблачить преступников и помешать осуществлению их дерзких планов должен помощник Генерального прокурора Александр Борисович Турецкий...

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	7
3	12
4	14
Глава вторая	17
1	17
2	19
3	24
4	27
5	32
6	33
7	36
8	38
9	42
10	46
Глава третья	48
1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Объект закрытого доступа

Глава первая

Четверо

1

– Здравствуйте, Сергей Игнатьевич!

Сергей Игнатьевич Лесков покосился на горбоносого парня, холодно кивнул и нажал на зеленую кнопку. Лифт с тихим гулом двинулся вверх. Лесков переложил портфель из правой руки в левую и похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Сигарет нигде не было.

– Вот черт, – тихо проговорил Сергей Игнатьевич.

За спиной у Сергея Игнатьевича раздался шорох. Лесков обернулся. Горбоносый, ухмыляясь, смотрел на спину Лескова.

– Чего уставился? – сердито спросил его Сергей Игнатьевич. – У меня что, на спине телевизор?

– Да нет. Просто пятно от известки, – ничуть не смутившись, ответил парень. – Наверно, прислонились к чему-нибудь.

Лесков прищурился. Лицо монтера было ему незнакомо, и от этого настроение у Лескова окончательно испортилось. С полгода назад Сергей Игнатьевич стал замечать первые признаки надвигающегося склероза. До провалов в памяти пока не доходило, однако Сергей Игнатьевич часто не мог вспомнить имя стоящего перед ним человека, хотя оно буквально вертелось у него на языке. То же и с лицами: иногда Лесков глядел на знакомого человека и никак не мог вспомнить – где он его видел. А в последние дни симптоматика надвигающейся болезни стала проявляться еще сильнее: Сергей Игнатьевич не сразу вспоминал не только имя, но даже лицо говорящего с ним человека. Вот как сейчас.

Сергей Игнатьевич вздохнул. Все-таки шестьдесят пять лет – возраст почтенный, и жаловаться тут не на что. Никому еще не удавалось проработать сорок лет на такой нервной работе и сохранить здоровье. «Самый старый работник Кремлевского дворца съездов» – так Лескова назвали в одной газете, с журналистом которой он беседовал два месяца назад. Забавный был парень, веселый, насмешливый, все потешался над привычкой Лескова зачесывать прядью лысину. Как же его звали, этого журналиста?.. Лесков задумался, но вспомнить не смог. «Ну вот, опять, – совсем упав духом, подумал он. – Чертов склероз!»

Газетная вырезка с этой статьей лежала у Лескова в кабинете. Там, в частности, было написано следующее:

«Сергей Игнатьевич Лесков, бессменный комендант Кремлевского дворца съездов, работает здесь практически со дня постройки здания. Без преувеличения можно сказать, что он знает все входы и выходы, все лазы и вентиляционные люки, все коммуникационные отделы этого грандиозного сооружения. Сам Сергей Игнатьевич говорит, что все архитектурные схемы и планы Кремлевского дворца достались ему в наследство от главного архитектора этого здания – академика Посохина. Со своей стороны заметим, что схемы эти воистину попали в надежные руки!»

Имя журналиста вертелось на языке, но припомнить его не было никакой возможности. «Скоро свое собственное имя вспомнить не смогу», – со злой иронией подумал Лесков. И тут молодой горбоносый монтер улыбнулся ему и произнес с обезоруживающей непринужденностью:

– Известка – не краска, Сергей Игнатьевич. Повернитесь-ка, я вытру. Да повернитесь, не робейте!

– А чего бы это мне перед тобой робеть? Ты что, дантист? – Лесков повернулся к молодому человеку спиной и недовольно добавил: – Только аккуратней. Спину мне не сломай.

Дальнейшие события показали, что волновался Сергей Игнатьевич не зря. Горбоносый монтер, вместо того чтобы заняться спиной Лескова, выхватил из кармана тяжелый разводной ключ и дважды ударил им Сергея Игнатьевича по голове.

Ноги коменданта подкосились, и он тяжело рухнул на пол лифта.

Горбоносый нагнулся и приложил палец к шее Лескова. Затем удовлетворенно кивнул, достал из кармана платок, тщательно протер им ручку разводного ключа и бросил его на пол, рядом с трупом. Лифт остановился. Убийца поднял с пола потрепанный портфель Сергея Игнатьевича, сунул его под мышку и вышел из лифта, насвистывая какую-то незамысловатую мелодию.

2

Заведующий лабораторией «Мосводоканала» Олег Иванович Фомин был мужчиной видным. Он принадлежал к числу тех людей, которым возраст идет не во вред, а на пользу. В молодости Олег Иванович был круглолиц и вялогуб, но после сорока черты его лица обострились, губы, обведенные жесткой полоской седоватых усов, приобрели более мужественный вид, а над переносицей прорезалась глубокая поперечная морщина, придававшая лицу Олега Ивановича оттенок мужественной сдержанности.

Сотрудницы «Мосводоканала», прежде почти не обращавшие на Фомина внимания, вдруг решили, что он «весьма и весьма импозантен»; особенно после того, как узнали, что Олег Иванович развелся с женой и отсудил себе квартиру и машину. Они стали оказывать Фомину знаки внимания, и Олег Иванович, будучи человеком неглупым, быстро сориентировался в новой для себя ситуации. Со временем в среде одиноких сорокалетних дам он приобрел репутацию плейбоя и старался по мере сил поддерживать ее.

Вот и сейчас, сидя в ресторане «Яр» за банкетным столом, он пытался завоевать расположение новой сотрудницы лаборатории – Виктории Андреевны Болдиной, тридцатипятилетней блондинки с капризными губками и насмешливыми карими глазами. Несмотря на то что банкет длился всего двадцать минут, Олег Иванович был уже навеселе. Виктория Андреевна заметила это и спросила ехидно:

– А вы, я вижу, уже приняли по дороге сюда?

– Пару рюмок, солнце мое, всего пару рюмок! – добродушно улыбнулся ей Олег Иванович. – Согласитесь – повод нешуточный. Как-никак, нашему водоканалу двести лет! Больше, чем иному городу.

– А вы, наверное, работаете здесь со дня основания водоканала? – съязвила Виктория Андреевна.

– Хорошая шутка, – ощерился Фомин. – Нет, милочка, я не так стар. Если хотите знать, мне всего сорок семь. Я даже в отцы вам не гожусь.

– Не годитесь, – согласилась Виктория Андреевна. – Но это еще не значит, что вы годитесь мне в любовники.

Олег Иванович расценил эту фразу как вызов и ринулся в бой.

– Это как посмотреть, – произнес он глухим, рокошующим голосом. – В делах любовных я дам фору любому двадцатилетнему. У меня много сил и много опыта. Согласитесь, это счастливое сочетание. – Глаза Фомина заблестели мягким, маслянистым блеском. Он слегка понизил голос и добавил: – Хотите проверить?

Виктория Андреевна удивленно на него посмотрела.

– А вы, оказывается, наглец, – тихо сказала она.

– Может быть, – пророкотал Фомин голосом профессионального соблазнителя. – Но прежде всего я человек, который всегда добивается своего.

– Вот и добивайтесь «своего». – Виктория Андреевна усмехнулась. – А я не ваша и никогда таковой не стану. Понятно?

Олег Иванович засмеялся:

– Ох, Вика! Ей-богу, ваша неприступность делает вам честь! Ладно, не будем ссориться. Давайте-ка лучше выпьем за дружбу и взаимопонимание! Минуточку внимания, господа! – Фомин повысил голос и постучал вилкой по фужеру. – Прошу внимания!

– Господа были в семнадцатом, – пошутил кто-то.

Олег Иванович поморщился – он не любил пошлых и заезженных шуток, затем встал и, дождавшись, пока шум стихнет, сказал торжественным, полным пафоса голосом:

– Господа, я не ошибусь, если скажу, что для многих из нас водоканал стал не просто работой, а... как бы это сказать...

– Вторым домом! – крикнул тот же голос.

Фомин улыбнулся:

– Да, вы правы. Вы правы, друзья! Водоканал стал нашим вторым домом. А коллектив водоканала – второй семьей.

– Хорошо сказано! – похвалили Олега Ивановича из-за стола.

Фомин слегка поклонился:

– Спасибо! Как заведующий лабораторией, я хочу пожелать нашему водоканалу дальнейшего процветания. Со своей стороны я и мои коллеги... – Тут Фомин очертил рукой широкий полукруг, словно призывая в свидетели присутствующих в зале коллег, – сделаем все, чтобы «Мосводоканал» работал бесперебойно и чтобы из кранов москвичей всегда текла чистая и вкусная вода!

– Ура! – крикнул кто-то.

Народ весело загалдел, раздался звон бокалов.

Олег Иванович уселся на место. На его смуглых щеках играл легкий румянец, а лицо светилось от удовольствия.

– Ну как? – обратился он к Виктории Андреевне. – Вам понравился мой маленький спич?

– Я в восхищении, – равнодушно ответила Виктория Андреевна, отпивая шампанского.

– Теперь вы хотите, чтобы я проводил вас домой?

Виктория Андреевна насмешливо изогнула бровь:

– А вам не кажется, что вы переоцениваете свое красноречие?

– Нет, – сказал Фомин, – не кажется. Тем более что проводить вас до дома не составит для меня никакого труда. Вы не поверите, но мне даже будет приятно!

– Правда? – Виктория Андреевна посмотрела на Фомина поверх бокала блестящими карими глазами. – Вы, кажется, сказали, что моя неприступность делает мне честь? А знаете, что делает честь вам?

– Что?

– Ваша настойчивость!

Виктория Андреевна замолчала, и Фомин нахмурился, пытаясь сообразить, как же ему следует понимать эту реплику. Подумав немного, он так ничего и не надумал и спросил прямо:

– И что это значит?

Виктория Андреевна улыбнулась.

– Какой вы глупый! – насмешливо сказала она. – Это значит, что я согласна.

– Да? – Морщинки на лице Фомина разгладились. – Ну, тогда давайте выпьем на брудер-шафт! Чтоб общение было приятнее, а расстояние между нами короче!

– Давайте, – игриво дернула плечом Виктория Андреевна.

Они переплели руки, сделали по глотку из своих бокалов, затем Фомин прижал к себе Викторию Андреевну свободной рукой, и они крепко поцеловались.

Вечер выдался тихим и лунным. Шагать по темному асфальту сквера и вдыхать запах разомлевших от тепла деревьев было приятно. Болдина достала из сумочки пачку «Вог». Дождавшись, пока она вставит сигаретку в губы, Фомин крутанул колесиком зажигалки и галантно поднес Виктории Андреевне извивающийся огонек пламени.

– Мерси, – сказала Виктория Андреевна.

Она элегантно прикурила – огонек осветил ее маленький аккуратный подбородок и пухлые губки – и помахала перед лицом рукой, отгоняя от глаз облачко едкого дыма.

– Поймать такси или хочешь пройтись пешком? – спросил Олег Иванович. – Вечерок-то сегодня какой славный, а!

– Да, вечер теплый, – согласилась Виктория Андреевна. – Но пешком будет далековато.

– А где ты живешь?

– Рядом с «Киевской».

– Рядом с «Киевской»? – Фомин удивленно вскинул брови. – Вот это да! Да ведь мне туда же! Я на Матвеевской живу. – Видя, что Болдиной это название ни о чем не говорит, Олег Иванович пояснил: – На электричке до дому добираюсь как раз с Киевского вокзала. Вот это совпадение, а! Стой здесь, я поймаю такси.

Машины Олег Иванович поймал быстро, что произвело на Болдину благоприятное впечатление – она любила мужчин расторопных и уверенных в себе.

В салоне такси Фомин накрыл маленькую ручку Виктории Андреевны своей широченной ладонью. Болдина посмотрела на его руку – толстые пальцы с черными волосиками, ухоженные розовые ногти, на безымянном пальце – золотая печатка с бриллиантом.

– Хорошо живете, – заметила Виктория Андреевна, кивнув на печатку.

Олег Иванович проследил за ее взглядом и улыбнулся:

– А, это. Хочешь – подарю?

– Вот еще, – фыркнула Виктория Андреевна. – Зачем мне мужская печатка?

– Продашь, а на вырученные деньги купишь себе машину.

– Спасибо, обойдусь.

Она попыталась высвободить руку, но Фомин крепче сжал ее пальцы. Затем наклонился к ней и прошептал, щекоча дыханием ушную раковину:

– Вика, ей-богу, еще не поздно поехать ко мне. Я живу один, и у меня в баре есть бутылочка дорогого французского коньяка.

– Нет, не стоит, – так же тихо ответила ему Болдина, поежившись от сладкой щеколки – почувствовать жаркое дыхание Фомина на своем ухе ей было волнительно и приятно.

– Но почему?

– Я тебя боюсь, – игриво ответила Виктория Андреевна. – Ты сразу начнешь ко мне приставать.

– Глупости! Я не такой!

– Все вы так говорите.

Фомин поцеловал мочку ее уха, затем проехался губами по ее шее. Болдина вновь поежилась и тихо засмеялась. Фомин взял ее пальцами за подбородок, повернул к себе и нежно поцеловал в губы.

– Ты живешь одна? – спросил он.

Виктория Андреевна покачала головой:

– Нет.

– А с кем?

– С мамой и сыном.

– Тыпустишь меня к себе?

– Нет. Только не сегодня. Послезавтра сын уезжает в лагерь, тогда ты сможешь прийти. Я не хочу его травмировать.

– Он что, такой чувствительный?

Болдина вздохнула:

– Ты ведь знаешь подростков, они все чувствительные в этом возрасте.

– Это точно. Но ждать до послезавтра – невыносимо. Ты такая аппетитная. И от тебя так пахнет...

Олег Иванович вновь поцеловал Болдину в шею, затем положил ладонь ей на бедро и принялся тихонько поглаживать его пальцами.

– Сумасшедший... – прошептала Виктория Андреевна, закрывая глаза. – Ведь мы здесь не одни... – Голова у нее слегка кружилась, рука Фомина была крепкой, сильной и нежной.

– Не волнуйся, водитель смотрит только на дорогу, – сказал Фомин. – А ты... ты сводишь меня с ума... – Олег Иванович перевел дыхание и скользнул пальцами Виктории Андреевне под юбку.

Спустя полчаса Фомин шагал по тротуару, мимо освещенных витрин и неоновых вывесок. На душе у него было гадко. То, что он поначалу принял за игру, оказалось правдой: Болдина действительно жила с сыном и матерью и наотрез отказалась пустить Олега Ивановича «на чашечку кофе». Все было как в плохом кино: как только такси остановилось возле дома, Вика быстро чмокнула Фомина в губы, сказала «до завтра», выскользнула из машины, махнула на прощание рукой и, пока Олег Иванович ошалело моргал глазами, скрылась в подъезде.

«Развела меня, как прыщавого подростка! – со злостью думал Фомин, шагая по тротуару. – Распалила и бросила! Какой вечер испортила, а! Знал бы, что она выкинет такой финт, подкатил бы к Светке Сидоренковой. Уж лучше толстушка Сидоренкова, чем сто грамм на ночь и холодная постель».

Дошагав таким образом до Киевского вокзала, Олег Иванович глянул на часы и, вспомнив, что следующая электричка будет почти через час, направился в вокзальную кафешку с твердым намерением накатить-таки еще грамм двести коньячку, чтобы избавиться от неприятных мыслей и вновь почувствовать себя «юбиларом» (двухсотлетний юбилей «Мосводоканала» Фомин воспринимал как свой собственный, личный праздник).

Несмотря на поздний час, а, может быть, благодаря этому, в кафе было многолюдно. Фомин уселся за единственный пустовавший столик и заказал себе графинчик коньяку с лимоном.

Хотя в меню значилось, что коньяк пятизвездочный, Фомин все же взял первую рюмку с опаской, так как никогда не доверял привокзальным питейным заведениям. Осторожно, словно опасался, что она может взорваться, поднес рюмку к лицу, понюхал, отпил немного и задумчиво почмокал губами. Затем удовлетворенно кивнул – хороший коньяк, не фальшивка.

Он уже наполнял рюмку во второй раз, когда возле столика остановился невысокий и сухопарый парень с темно-рыжими волосами и горбатым носом.

– У вас свободно? – спросил рыжий.

Олег Иванович посмотрел на незваного гостя и едва заметно поморщился:

– Занято, друг. Тебе что, места мало?

Горбоносый тонко улыбнулся.

– Места много. Людей мало. Поговорить не с кем, – объяснил он. Затем прищурился и добавил: – Вижу, один пьешь. И лицо у тебя невеселое. Я тоже один, но когда пью – компанию хочу. А сейчас я пью.

Фомин невесело усмехнулся:

– Это ты верно сказал: людей мало. В наше время настоящих людей днем с огнем не сыщешь. В глаза тебе улыбаются, а за пазухой камень держат. – Олег Иванович вспомнил усмехающееся лицо Болдиной и вздохнул: – Ладно, присаживайся.

Горбоносый уселся за стол и тут же, повернувшись к барной стойке, громко щелкнул пальцами.

Вскоре на столе появился еще один графин с коньяком, а с ним и закуски – тонко нарезанный лимон, маслины, копченое мясо и сыр.

– Тебя как зовут? – спросил незнакомца Фомин.

– Али, – представился тот.

Олег Иванович усмехнулся:

– С Кавказа?

– С Кавказа, – кивнул горбоносый. – А что, плохо?

– Нормально, – сказал Фомин. – У меня нет этнических предрассудков. Меня можешь звать Олег. – Фомин наполнил рюмки и придвинул одну Али. – Ну что, Али-Баба, давай, что ли, дернем? За знакомство.

– Давай.

Они выпили.

– Из-за бабы страдаешь? – спросил Али.

– А что, так заметно?

– Заметно, заметно. – Горбоносый сделал маленький глоток и поставил рюмку на стол. – Хорошо пьешь, Олег. Русские все хорошо пьют. Вот только драться совсем не умеют. Надерут вам чеченцы задницу, Олег. Увидишь – надерут.

Фомин вновь наполнил рюмки, опорожнил свою одним махом, поставил на стол и посмотрел на Али:

– Говоришь, драться не умеем? Гм... А что, если я тебе прямо сейчас по зубам двину, а? Это тебя убедит?

Поскольку ответа не последовало, Фомин усмехнулся и вновь взялся за графин. Но тут Али заговорил.

– Не двинешь, – тихо сказал он. – Пьяный ты. И дебелий. Наверно, за это тебя женщины и не любят. Бабам нравятся молодые и крепкие. Такие, как я.

Графин дрогнул в руке Фомина. Несколько капель коньяка упали на скатерть. Олег Иванович поставил графин на стол и тяжело посмотрел на кавказца:

– Дебелий, говоришь? – В глазах Фомина полыхнула ярость. – А ну, пойдем покурим, – глухо прорычал он.

– Пойдем, если не боишься, – пожал плечами Али. Он достал из кармана купюру, показал ее официанту, затем сложил вдвое и запихал под пепельницу.

– А ну, заberi свою сраную бумажку, – пророкотал Фомин. – Я привык платить за себя сам.

– Ладно, плати ты, мне же лучше, – сказал кавказец и забрал со стола купюру. Все это он проделал с показным равнодушием, словно потешался над Фоминым.

Олег Иванович еле сдерживал ярость. Он быстро отсчитал необходимую сумму, швырнул ее на стол и поднялся.

– Пошли!

– Пошли, – согласился Али.

Они вышли из кафе – Фомин впереди, кавказец – за ним – и направились в сторону платформ.

До электрички оставалось еще двадцать минут. Платформа была почти пуста. Мужчины дошли до самой дальней и самой темной части платформы и там остановились. Фомин медленно повернулся к горбоносому Али. Он был почти на голову выше своего противника и раза в два шире в плечах. Однако кавказец, несмотря на малый рост и шуплость телосложения, смотрел дерзко и нагло.

– Ну что, Олег, двинешь мне по зубам? – иронично спросил он. – Или у тебя не только с бабами, но и с мужиками не получается?

– Ну все, рожа! – взревел Фомин. – Сейчас я тебя по рельсам размажу!

Он сжал кулаки и бросился на кавказца. Однако тот ловко поднырнул под правый кулак Фомина и сделал всего один – короткий и молниеносный – выпад. Фомин почувствовал, как что-то жаркое кольнуло его в грудь, а вслед за тем кровавая пелена затянула ему глаза.

Когда широкий затылок Олега Ивановича стукнулся об цементную плиту платформы, он был уже мертв.

3

Вдоль полосы железнодорожной насыпи, идущей через лес от славного города Малоярославца, медленно брел пожилой мужчина, одетый в прорезиненный плащ, кепку и сапоги. В руке он нес пустую плетеную корзинку, предназначенную, по всей вероятности, для грибов. Мужчина меланхолично смотрел себе под ноги, словно сбор грибов был для него пустой и, в общем-то, никому не нужной формальностью.

Метрах в пяти от мужчины, шелестя приминаемой травой, пробиралась сквозь кустарник женщина. Голова ее была повязана белой косынкой. В отличие от меланхолического мужчины, она хищно, как охотник, вглядывалась в траву, выискивая грибы. Несколько шагов они прошли в молчании. Затем женщина громко крикнула:

– Да ты в голой-то траве не смотри! Груздь, он тенечек любит. В тенечке его и искать надо.

– Поучи свою мать блины печь, – сердито отозвался мужчина. – Груздь растет везде, и под деревьями, и на полянке. Главное – увидеть вовремя.

Женщина покачала головой:

– Ладно бы хоть на полянке, так ведь ты только вдоль насыпи и ходишь. Откуда там взяться грибам-то?

– Мать твою... – выругался в сердцах мужчина. – Правильно мне мужики говорили: лучше с чертом на рыбалку, чем с женой по грибы. Всю плешь мне проела. Ты еще к самому пепелищу пройди! Там грибы сразу в жареном виде подают. Можешь заодно и пообедать! – Мужчина усмехнулся собственной шутке.

Однако жена шутку не оценила.

– Дураком ты был, дураком и помрешь! – сердито откликнулась она.

Мужчина не зря упомянул о пепелище. Метрах в пятистах от насыпи проходила граница выжженного леса. Несмотря на затяжные дожди, потушившие пожар, оттуда все еще тянуло гарью.

– Хочешь искать под деревьями – ищи! – крикнул жене мужчина. – А от меня отстань! – Мужчина хотел добавить еще пару крепких слов, но тут на глаза ему попался ряд бурых земляных холмиков, и он поспешно присел рядом с одним из них, на ходу доставая из кармана перочинный нож.

Груздь оказался большим, белым, аккуратным, хоть картину с него пиши; второй был еще красивей, а третий – и того лучше. Вскоре корзинка мужчины заполнилась наполовину.

– Слышь, Маш! – победно окликнул он жену. – Иди, чего покажу!

Однако жена не отозвалась.

– Да ты что, мать, оглохла, что ли? Иди, говорю, сюда!

Жена не отозвалась и на этот раз. Мужчина поднялся на ноги, отряхнул с коленей землю и завертел головой; в этот миг он услышал, как вскрикнула его жена. Не мешкая ни секунды, мужчина бросил корзинку с грибами на землю и опрометью помчался в лес, держа нож наизготовку.

Жена стояла за кустом боярышника и смотрела куда-то вниз.

– Что случилось? – выпалил мужчина, пытаясь отдышаться. Он поморщился и положил руку на сердце. – Да что случилось-то? – повторил он, морщась от боли.

Жена медленно повернула голову. Белая косынка на ее голове сбилась набок, но она не замечала этого. Взгляд был полон ужаса. Она с трудом разлепила губы и тихо сказала:

– Там... лежит...

– Где? – не понял мужчина. – Что лежит?

Жена, не глядя, ткнула рукой в сторону куста. Мужчина подошел ближе и близоруко сощурился.

– Господи Иисусе! – с ужасом прошептал он, увидев предмет, на который указывала жена. Тут и впрямь было чему ужаснуться. Под кустом боярышника, нелепо поджав под себя руки, лежало скрюченное обгорелое тело человека.

В кабинете находились двое: следователь городской прокуратуры Александр Семенович Петренко и его непосредственный начальник – заместитель генерального прокурора Иван Ильич Потапов. Начальник недовольно хмурил рыжеватые брови и внимательно смотрел на следователя колючими голубыми глазами. Однако Петренко, казалось, не замечал хмурого взгляда начальника.

– Ну, – сказал Потапов, хмурясь еще сильнее. – Так что там у нас с обгоревшим трупом?

– Точно не скажешь, Иван Ильич, – спокойно ответил следователь. – Однако я склонен считать это несчастным случаем.

Потапов поднял брови:

– Вот как?

– Да-с. – У Петренко была неприятная привычка добавлять к коротким словам это дореволюционное «с», окружающим приходилось с этой неприятной особенностью мириться. – В лесу ведь бушевали пожары. Если бы не дожди, от леса вообще ничего не осталось бы. Видимо, этот человек был грибником или туристом. Заблудился в лесу, надышался дымом, потерял сознание и сгорел. К сожалению, установить личность погибшего не представляется возможным. От него мало что осталось.

– Гм... – Потапов побарабанил по столу пальцами. – И твой вывод?

– Я, Иван Ильич, видите ли, собираюсь вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления.

Потапов кивнул:

– Стало быть, на этом и порешим. Ладно, с пустяками разобрались, перейдем к более важным делам.

И коллеги занялись разбором более важных дел, забыв об обгоревшем неопознанном трупе, как им казалось, навсегда.

4

По пятницам ресторан «Белое солнце пустыни» был переполнен, однако для уважаемых гостей, коими, безусловно, были генерал-майор милиции Абрамов и его заместитель полковник Прохоренко, столик нашелся.

Генерал Абрамов, мужчина солидный, упитанный, краснолицый, только что принял очередные сто грамм и теперь закусывал водку пловом, окуная толстые пальцы прямо в тарелку.

Полковник Прохоренко, худой, желтолицый, смотрел на своего начальника сухо и бесстрастно. Абрамов знал, что в душе у Прохоренко бушует буря, и с удовольствием наблюдал за тем, как усердно Прохоренко пытается скрыть свое негодование под маской напускного безразличия.

Прохоренко сказал нарочито небрежным голосом, тщательно следя за тем, чтобы интонация не выдала его чувств:

– И как вам здешняя еда, Эрик Максимович?

– Да ничего, – пожал широкими плечами генерал Абрамов. – Антураж вот только больно навязчивый. Все эти ковры, чайники, кувшины...

– Восток – дело тонкое, – заметил на это полковник Прохоренко.

– Это точно, – согласился Абрамов, разделавшись с пловом и переходя к баранине под острым соусом.

– Я рад, что здешняя еда пришлась вам по вкусу. – Прохоренко посмотрел на часы. – Ну а мне пора.

– Куда это тебе пора?

– Да нужно еще в магазин заскочить, жена просила.

Генерал усмехнулся:

– Вытащил меня в ресторан, а сам сбегаешь?

– Сбегаю, Эрик Максимович, – смиренно кивнул Прохоренко.

– И беги себе, – согласился Абрамов, которого общество полковника начало утомлять. –

Пожинали, попили, дела важные обсудили – чего тебе здесь сидеть?

Полковник Прохоренко полез в карман за бумажником, но генерал остановил его:

– Оставь. Я сам заплачу.

– Но ведь это я вас пригласил, – возразил Прохоренко.

– И спасибо тебе за это. Я нынче в кабаках не частый гость, а когда-то это дело сильно любил.

– И все-таки я настаиваю, – сказал Прохоренко.

Генерал сверкнул глазами:

– Настаивать будешь дома, в постели с женой. А здесь решаю я. Я все-таки твой начальник, так считай это приказом.

– Как скажете, Эрик Максимович.

Абрамов сдвинул брови:

– Не по уставу говоришь, полковник.

– Так точно, товарищ генерал.

– Вот это уже другое дело, – одобрил Абрамов. – Ну, давай, лети к жене. А за это... – Он стукнул пальцем по графину с водкой, – не беспокойся. Графин в надежных руках.

– Никогда в этом не сомневался, – сказал Прохоренко. – Приятного вам аппетита, товарищ генерал.

– До встречи.

Полковник Прохоренко поднялся из-за стола.

Чтобы допить оставшуюся водку и доест баранину, генералу понадобилось еще полчаса. Все эти полчаса, несмотря на то что водка и баранина резво шли на убыль, с лица генерала не сходило озадаченное выражение. Пару раз он даже досадливо крякнул и слегка пристукнул кулаком по столу. По всему было видно, что Абрамова мучает какая-то неприятная и неотступная мысль.

Когда с водкой было покончено, Абрамов подозвал официанта, расплатился и покинул ресторан.

На улице генерал Абрамов свистнул задремавшему шоферу и затем, усевшись в машину, приказал отвезти себя домой, в квартиру на Тверском бульваре. По дороге с генералом случился приступ желудочных колик, но ближе к дому боль отпустила.

– Что-то вы плохо выглядите, товарищ генерал, – сказал шофер, тревожно вглядываясь в его лицо. – Никогда вас таким не видел.

– Часто, что ли, меня из кабаков домой привозишь? – недовольно поинтересовался Абрамов.

– На моей памяти – пару раз.

– Вот именно. – Абрамов достал из кармана платок и вытер вспотевшее лицо.

Шофер снова вгляделся в лицо шефа и сказал:

– Может, в аптеку сгонять? Эрик Максимович, вы скажите. Мне ведь не трудно.

– Обойдусь, – сухо ответил шоферу Абрамов. – Домой езжай, к семье. Задержал я тебя сегодня. – Желудок вновь дал о себе знать, и генерал поморщился. – Ты уж, брат, прости меня за это.

– Да ладно, чего уж там.

Мягко скрипнули тормоза, и машина остановилась.

– Может, до квартиры вас проводить? – вновь подал голос шофер.

– Да что же это такое? – вскипел Абрамов. – Я что, похож на инвалида? С ума ты меня сведешь своими приставаниями.

– Простите.

Генерал выбрался из машины и с силой захлопнул дверцу. Сделал шоферу знак рукой, чтоб тот ехал, а сам повернулся и зашагал к подъезду.

В лифте Эрик Максимович почувствовал себя плохо, ему даже пришлось закрыть глаза и задержать дыхание, чтобы справиться с накатившей тошнотой. Но когда лифт остановился и Абрамов открыл глаза, с ним снова все было в порядке.

«Вероятно, выпил слишком много», – сказал себе Эрик Максимович. И на этом успокоился.

...Скинув с ног туфли и переобувшись в мягкие домашние тапочки, Эрик Максимович облегченно вздохнул. Конец дневным проблемам и мучениям.

Несмотря на поздний час, Абрамову совершенно не хотелось спать. В квартире, которую большинство его подчиненных называли «шикарными хоромами», было пусто и холодно. И виноваты в этом были не столько оставленные открытыми форточки – Абрамов любил прохладу, – сколько тишина огромных комнат.

Семья Эрика Максимовича в полном составе отбыла на отдых в Испанию. Абрамов должен был поехать с ними, но нашлось неотложное дело, потребовавшее его присутствия в Москве. Он до сих пор не мог забыть холодный, укоризненный взгляд жены, которым она одарила его в аэропорту. Ничего не поделаешь, у нее были все основания так смотреть. Тем более что одно неотложное дело сменилось вторым, второе – третьим, и конца этой утомительной цепочке проблем и забот не было.

Переодевшись в халат, Эрик Максимович включил телевизор, достал из бара стакан, початую бутылку коньяку и уселся в кресло, положил ноги на пуфик. В этой позе он мог сидеть часами. По телевизору показывали концерт, и хотя Абрамов не любил музыку, все же сидеть

вот так, перед телевизором, в мягком кресле, со стаканом коньяка в руке, было чертовски приятно.

Эрик Максимович посмотрел на портрет жены, висевший над диваном, отсалютовал ему стаканом и сказал:

– За тебя, моя радость!

Затем сделал большой глоток и блаженно закрыл глаза. Когда утром домработница нашла его в этом кресле мертвым, он сидел в той же самой позе, только пустой стакан валялся на полу.

Глава вторая

Начало

1

Полуденное солнце пекло неистово, раскаляя валявшиеся повсюду кирпичи до того, что на них без труда можно было бы изжарить яичницу, приди кому в голову подобная бредовая идея.

Ахмед уныло посмотрел вокруг и вздохнул.

Кирпичи, щебенка, обугленные куски арматуры, покореженные машины – вот во что превратилась иракская земля за какой-нибудь год. Кого в этом винить? Одному Аллаху известно. Так или иначе, все это сделали люди, а они – что по ту сторону передовой, что по эту – все не без греха. А на какую сторону вставать – это каждый должен решить для себя сам.

– Дядя американец, дай конфетку, – попросил у Ахмеда мальчонка, закутанный в какое-то бурое тряпье.

Ахмед достал из кармана карамельку и протянул ребенку.

– Держи, малыш.

– Спасибо, дядя американец! – поблагодарил мальчишка, повернулся и пустился наутек.

Ахмед закурил. Он ждал уже двадцать минут, и ожидание начинало его утомлять. Зевнув, Ахмед поднял с земли листок бумаги, который прибило ветром к его армейскому ботинку. На колышущейся ткани были изображены розовощекие ковбои, поглощающие сок с таким видом, словно это был божественный нектар, дарующий им вечную молодость. Похоже, эти американцы и впрямь верят в то, что когда-нибудь им удастся победить не только старость, но и саму смерть.

Ахмед вздохнул. Что ж, возможно, когда-нибудь так оно и будет. Эти американцы всегда добиваются того, чего хотят. Счастливые, довольные поросята, никогда не знавшие голода и нужды.

– Эй, дружище, Реддвей будет с минуты на минуту. Может, хотите чаю? У нас есть черный и зеленый.

Молоденький солдат смотрел на него с нескрываемым любопытством. Еще один розовощекий американский поросенок, верящий в свое бессмертие.

– Нет, спасибо, – сказал Ахмед.

Паренек ушел, оставив его в палатке одного. Ахмед еще немного поразмышлял о перипетиях судьбы, о том, почему одним судьба преподносит все, а у других забирает последнее; когда ход его мыслей приобрел совсем уж унылую тональность, полог палатки отъехал в сторону, и в образовавшемся просвете появилась огромная фигура Питера Реддвей. Он ввалился в палатку и пожал ладонь Ахмеда так крепко, что тот даже поморщился от боли.

– Рад вас видеть, – искренне сказал полковнику Ахмед.

– Да, я знаю, – невозмутимо ответил ему Реддвей.

Пятидесятишестилетний полковник американской армии Питер Реддвей был одет в маскировочный костюм, который был бы впору и слону. На его лбу и могучейшее поблескивали капли пота. Усадив Ахмеда на стул, он сел сам, вытер лоб платком и недовольно прокомментировал:

– Жарко, как в аду!

– Да уж, это вам не Америка, – не удержался Ахмед.

Реддвей ухмыльнулся, блеснув очками в дорогой оправе:

– Спасибо, приятель, я заметил.

– Мистер Реддвей, вы знаете, на какой риск мне пришлось пойти, чтоб встретиться с вами, – сказал Ахмед.

Реддвей кивнул:

– Да, Ахмед, знаю. Ты можешь быть уверен, твоя самоотверженность не останется незамеченной.

Ахмед недобро усмехнулся:

– Хотелось бы, чтобы она была не только замеченной, но и оплаченной, мистер Реддвей.

– В этом можешь не сомневаться.

Некоторое время Ахмед изучающе вглядывался в лицо полковника, затем кивнул:

– Я верю вам, мистер Реддвей. Думаю, моя информация принесет вам пользу. Иначе получится, что я рисковал зря. А вы сами знаете, насколько опасна моя миссия.

Реддвей усмехнулся: высокопарность Ахмеда забавляла его. Должно быть, этот араб и впрямь считает себя героем. Разведчиком! Тайным агентом! Джеймсом Бондом иракского разлива! Что ж, пусть считает себя кем хочет, главное, чтобы не лез на рожон.

– Ты уверен, что твои боссы не подозревают тебя? – спросил Реддвей.

– Уверен, – кивнул Ахмед. – Вы ведь знаете, я умею играть в такие игры.

Ахмед слегка приосанился. Он был самолюбив, и Реддвей, зная это, удержался от усмешки и спросил со всей серьезностью, на какую только был способен:

– Что тебе удалось узнать?

– Мои боссы готовят что-то серьезное.

Ахмед замолчал, чтобы Реддвей оценил масштабность сообщения. Реддвей кивнул и нетерпеливо спросил:

– Что именно?

– Операция пройдет в России. В Москве. Ради этого дела боссы создают там террористическую сеть, что-то вроде филиала «Аль-Каиды».

– Подробней.

Ахмед слегка смутился:

– Подробностей я пока не знаю. Операция эта тайная, и меня не включили в число посвященных. Знаю только, что погибнет много людей. Очень много... – Ахмед на мгновение замолчал, затем пристально посмотрел Реддвею в глаза и медленно проговорил: – Больше, чем одиннадцатого сентября в Америке.

Реддвей почувствовал, как намокает одежда у него на спине. Капли пота упали ему на очки. Реддвей снял очки, достал из кармана платок и протер стекла.

– Что ж, Ахмед, у тебя впереди много работы, – сказал он, водрузил очки на широкую переносицу и добавил: – Впрочем, как и у меня. Да и нашим московским коллегам придется попотеть.

2

Открыв дверь квартиры, Пташка Божья увидел на пороге двух мужчин. Одного он знал. Это был Гусь, пропойца, с которым Пташка Божья не раз бухал вместе, но фамилии которого до сих пор не знал – незачем было. Рядом с Гусем стоял невысокий, рыжеволосый мужчина в черной кожаной куртке и с «дипломатом» в руке. У мужчины были недобрые черные глаза и тонкий нос с горбинкой. Пташка Божья перевел взгляд с незнакомца на Гуся и спросил:

– Ну и?

Гусь осклабил в улыбке щербатый рот:

– Вот, Птаха, жильца к тебе привел. Поживет недолго, отстегнет по максимуму. А условие только одно – чтобы ты не трепался.

Пташка Божья вновь оглядел «жильца» с ног до головы. Тот молчал.

– Кто такой? – спросил тогда Пташка.

Гусь ощерился еще больше и сказал:

– Это Али. Он нездешний.

– Вижу, что нездешний. А чем он занимается?

– Бизнесмен он. Только регистрацию пока не сделал, поэтому ментов опасается.

– Гм... – сказал Пташка Божья.

– Твою мать, Птаха! – гаркнул на него Гусь, мучимый похмельем. – Может, в квартирупустишь, а?! Чё мы тут стоим, отсвечиваем?

«И то верно, чего это я их на пороге держу», – подумал Пташка Божья и отошел в сторону, впуская гостей в прихожую.

Закрыв за собой дверь, Гусь мгновенно перешел к делу.

– Ну так что? – прямо спросил он Пташку Божью. – Берешь жильца или нет? Решай сразу, или я его к Гоше-инвалиду отведу. Тот мне за такого жильца не один пузырь поставит.

Пташка Божья повернулся к незнакомцу, вежливо улыбнулся и спросил:

– Сколько будете платить?

– А сколько нужно? – спросил горбоносый сипловатым, словно бы простуженным, голосом.

– Гм... Так это смотря по тому, на какой срок осесть думаете.

– Пока на три дня, а там видно будет, – сказал горбоносый.

– Если на три, то... – Пташка Божья поднял голову и задумчиво поскреб пальцами небритую шею. – То это никак не меньше пятидесяти долларов. В рублевом эквиваленте по курсу Центробанка. Устроит вас такая цена?

Гусь захлопал глазами:

– Ну ты даешь, Птах! Ты сам-то хоть понял, чё сказал?

– Я понял, – сказал вместо Пташки горбоносый незнакомец по имени Али. – И я готов заплатить.

Он поставил «дипломат» на пол, достал из кармана бумажник, отсчитал несколько купюр и протянул их Пташке Божьей:

– Вот. Здесь даже немного больше.

Пташка Божья задумчиво посмотрел на протянутые деньги, затем аккуратно, как бы нехотя, взял их, быстро пересчитал и спрятал в карман старой «олимпийки». Затем сделал широкий жест рукой и сказал:

– Милости прошу в мое скромное бунгало. Ваша комната – по коридорчику и направо. Замка на двери нет – уж не обессудьте, но входить без стука не имею привычки.

Горбоносый кивнул, тщательно вытер ноги о коврик, поднял с пола «дипломат» и двинулся по узкому коридорчику в указанном направлении. Когда он скрылся в комнате, Пташка Божья повернулся к Гусю и спросил:

– Ты где его подцепил, мудень?

– Где-где, в Караганде. На вокзале, естественно! Только ты имей в виду, я отсюда без полушки не выйду. Я к тебе бесплатным рекламным агентом не нанимался.

– Будет тебе полушка, – успокоил Гуся Пташка Божья. – Только у меня сейчас нет.

– Так деньгами дай! Покупать я и сам умею.

Пташка Божья достал из кармана пачку денег, вынул из нее сотенную бумажку и протянул Гусю:

– Держи, вымогатель.

Бумажка в мгновение ока перекочевала к Гусю в карман.

– Премного благодарен, – сказал Гусь. – Ну, тады я пойду?

– Валяй, – разрешил Пташка.

Гусь повернулся и, проворно шевеля ногами, вышел из квартиры.

– В магазин побежал, пьяница, – сказал себе Пташка Божья. Вновь поскреб небритую шею и задумчиво добавил: – Однако сто грамм и мне не помешают.

Едва он об этом подумал, как гость вышел из своей комнаты – уже без куртки, но все еще в туфлях. Он протянул Пташке пакет и сказал:

– Старик, здесь коньяк, сыр, мясо и другая еда. Положи еду в холодильник, а я пока схожу в душ.

– Сделаю все, как надо, – кивнул Пташка Божья, принимая пакет. – Ого, тяжелый! У меня где-то лимончик завалялся. Если хотите, могу порезать. К коньячку – самое то!

Горбоносый Али презрительно наморщил нос:

– У тебя тарелки-то хоть чистые найдутся?

– Обижа-аешь, друг, – с усмешкой протянул Пташка. – Ты ведь не в ночлежке, а в приличной фатере. Мой клоповник трех звезд стоит.

Али улыбнулся:

– Ладно, старик. Тогда порежь еду и разложи ее по тарелкам. Помоюсь и выпью с тобой за знакомство.

– Вот это дело! – одобрил Пташка Божья.

Когда Али вышел из душа, мясо, сыр и лимон были аккуратно нарезаны и красиво разложены по тарелкам. Бутылку Пташка Божья поставил в центр стола – очень уж она была красива, приземистая, матовая, с длинным узким горлышком, – любо-дорого посмотреть.

Али окинул взглядом стол и удовлетворенно кивнул:

– Молодец, старик. Сделал все, как надо.

– А как же, – с подобострастной улыбкой ответил Пташка Божья, предлагая гостю стул. – Как говаривал Антон Палыч Чехов, в приличном доме все должно быть прилично: и жильцы, и стол.

Али сел на стул и взял со стола бутылку. Отвинтил крышечку, глянул на стол и нахмурился:

– А стаканы забыл, старик?

– Ох ты, черт! – хлопнул по колену Пташка Божья. – Мигом исправлю!

Через несколько секунд стаканы были на столе, и Али наполнил их ароматным золотистым коньяком.

– Давай по первой. Как там у вас говорится... чтоб не в последний раз, так?

Не дожидаясь ответа, Али залпом опрокинул коньяк в глотку.

– Точно. Дай Бог, не последняя! – кивнул Пташка Божья и поспешно последовал его примеру. Поставив опустевший стакан на стол, он закусил мясом и спросил своего жильца: – Сам-то ты откуда будешь?

– Я-то? – Али прищурил черные, насмешливые глаза. – Из Новороссийска. Бывал там когда-нибудь?

– Не-а. Но много слышал. Там у вас вроде море недалеко?

– Недалеко, – согласился Али. Он снова наполнил стаканы, на этот раз доверху, и зябко передернул волосатыми плечами. – Что-то нехорошо мне, старик. Знобит. Сквозняк тут у тебя, что ли?

– Есть немного, – согласился Пташка Божья и тут же заботливо поинтересовался: – А ты, часом, не простыл? С дороги-то всякое бывает.

– Да, – кивнул горбоносый Али. – Простыл. Наверное, простыл. Давай за дружбу народов.

Он поднес стакан к губам и пил, не отрываясь, пока стакан не опустел. И тут же наполнил его снова.

– Так пьешь, будто за тобой гонятся, – с укором сказал Пташка Божья.

Али стрельнул на старика черными глазами и сипло сказал:

– Простыл я. А это... – он кивнул подбородком на стакан, – мое лекарство. Понял?

– Понял, как не понять.

– Тогда твое здоровье. – И странный гость снова присосался к стакану с коньяком.

Бутылка опустела очень быстро. Допив остатки коньяка, гость посмотрел на Пташку Божью из-под нахмуренных рыжеватых бровей и сказал:

– Есть что выпить?

– Так это... – Пташка Божья хотел было соврать и сказать «нет», но черные глаза гостя смотрели так пристально и пронзительно, что он, к своему собственному изумлению, сказал правду: – Было вроде где-то. Сейчас посмотрю.

Пташке Божьей не осталось ничего другого, как достать из холодильника заначку – литровую бутылку мутной желтоватой самогонки.

После первого же стакана глаза гостя подернулись пеленой.

– Ну что, старик, – сказал он, еле шевеля языком, – страшно тебе на свете-то жить?

Пташка Божья пожал плечами:

– Да нет. А чего мне страшиться?

– А взрывы? Террористы, говорят, совсем обнаглели. Что ни день, то взрыв.

– Это точно, – согласился Пташка Божья. – Но, слава Богу, я черножопым не нужен. Сам посуды, зачем меня взрывать?

– Черножопым, говоришь?

– Ой, извини. Я хотел сказать...

– Знаю, – прервал его Али. – Знаю, что ты хотел сказать, старик. Только взрывают не только черножопые. – Он криво ухмыльнулся и поднял волосатый палец. – Скоро тут у вас все затрясется, заволнуется, понял? Вся Москва! И не черножопые будут трясти, а свои... такие же, как ты, старик. Братья, мать их, славяне! Давай-ка за них и выпьем... за братьев славян!

Али потянулся за самогонкой, но рука его соскользнула с бутылки.

– А, шайтан! – выругался он и потряхнул хмельной головой. – Давай ты, старик... Я что-то устал...

Пташка Божья разлил самогонку по стаканам, и они снова выпили.

– Так, говоришь, русские будут русских взрывать? – с сомнением в голосе спросил Пташка Божья, закусив самогонку сыром. – Разве такое возможно?

Али пьяно кивнул:

– Возможно, старик.

– И зачем же, к примеру, им друг друга взрывать?

– Зачем, зачем... Зачем ты меня к себе жить пустил? Вот затем и они. – Али прищурил мутные черные глаза, вытянул руку и потер пальцем о палец. – Деньги, старик... Деньги решают все. Мани! Долларс! Понял?

– Да разве ж им кто-нибудь за это заплатит? – прикинулся дурачком Пташка Божья.

– Найдутся люди, – глухо отозвался Али.

– Тоже русские?

Горбоносый с хрустом сжал пальцы в кулак. На губах у него зазмеилась усмешка.

– Ха! – хрипло выдохнул он. – Русские... Откуда у вас, русских, деньги? Ты вон всю жизнь вкалывал, а есть у тебя деньги? Нету! Кроме сраной бутылки самогону, никакой собственности не нажил.

– Почему же сраной? – обиделся Пташка Божья. – Хорошая самогонка. Я ее у Просвирихи брал. Да она чище водки!

– Ты прав, – кивнул Али. – Самогонка хорошая. Извини, старик, я не хотел тебя обидеть. Ты хороший человек. Давай выпьем за тебя.

На этот раз гость не смог допить стакан до дна, а принялся икать, и икал до тех пор, пока не сжевал разом три дольки лимона, вложенные ему в руку стариком. Прожевав лимон, Али сморщился и тягуче сплюнул в тарелку с остатками мяса.

– В мясо-то зачем? – негромко сказал Пташка Божья и хотел убрать тарелку, однако горбоносый схватил ее и придвинул к себе:

– Не трожь! – Он снова сплюнул в тарелку и посмотрел на Пташку Божью. Али был так пьян, что не мог сфокусировать взгляд. Голова у него слегка подергивалась, однако на стуле он сидел прямо.

– Слышь, Али, – негромко и дружелюбно окликнул его Пташка Божья, – а где хоть взорвут-то? Ты скажи, чтоб я в тот район не совался. Умирать-то кому охота?

– Не знаю, старик, – произнес Али заплетающимся языком. – Знал бы – сказал... Нравишься ты мне, хоть и дурак. Не обижайся, старик... Лучше выпей еще... за мое здоровье.

– Это можно, – кивнул Пташка Божья. – Тебе-то, что ли, освежить?

– Чего? – не понял Али.

– Я говорю, долить самогонки? Ты сейчас на полдороге к счастью. Но нужно слегка догнаться.

Али тряхнул головой:

– Н-не надо, старик... у меня... свой догон. – Он полез в карман брюк, вынул картонную коробочку и шлепнул ею об стол. – Вот!

Он вытряхнул из картонки серебристую упаковку, выдавил пару таблеток пальцем и закинул их себе в рот, проглотил, судорожно дернув кадыком, и закрыл глаза.

Вскоре губы Али растянулись в блаженную улыбку. Он открыл глаза, посмотрел на Пташку Божью и сказал слабым голосом:

– Возьми... угощаю...

Он показал глазами на пакетик с таблетками. Пташка Божья сморщился и покачал головой:

– Нет, паря, извини, но меня от этого вашего зелья с души воротит. Я, чтоб ты знал, принадлежу к поколению табака и алкоголя. И предпочитаю наркотической ломке простое человеческое похмелье.

– Как хочешь... – вымолвил Али, снова закрыл глаза, посидел так немного, потом качнулся вперед и упал щекой прямо в тарелку с остатками мяса.

– Тьфу ты, мать твою, чухна кавказская, – выругался Пташка Божья. – Совсем пить не умеет. А с виду такой крепкий. Ладно, паря, хочешь спать – спи, насильно поить не буду.

Пташка налил себе самогонки, выдохнул через плечо, залпом осушил стакан и, крякнув, занялся сыром.

– Ну вот, – сказал он, жуя сыр и поглядывая на спящего жильца. – А ты говоришь – таблетки. Вон тебя как с таблеток-то твоих сморило. А самогонка силы из человека не сосет, она ему сил прибавляет.

Али хрипло вздохнул и пробормотал что-то сквозь сон. Пташка наострил уши. Побормотав несколько секунд, Али снова замолчал. Пташка еще немного послушал, но, кроме легкого храпа, перемежаемого носовым свистом, ничего не услышал.

– А ведь я с тебя, милоч, свой барыш еще поимею, – задумчиво проговорил Пташка, поглядывая на спящего гостя. – Бог даст, побольше, чем твоя полусотенная. Если ты, конечно, правду мне говорил.

Пташка Божья повертел в руках стакан, продолжая раздумывать. Потом покачал головой и сказал сам себе:

– Нет, не похоже, чтобы врал. Парень подозрительный: явный чечен, хоть и рыжий. Лопни моя селезенка, если он не террорист. – Пташка снова посмотрел на спящего Али – вид у того был совершенно непрезентабельный. – Ну, или хотя бы из сочувствующих им, – смягчил формулировку Пташка. – Но если хоть десятая часть из того, что ты говорил, правда, то я просто обязан спасти Москву! В конце концов, это мой этот... как его... гражданский долг!

Воодушевленный этой светлой мыслью, Пташка Божья плеснул себе в стакан самогонки и, перекрестившись, выпил.

– Ну вот, – сказал он затем, – а теперь я выполню свой гражданский долг.

Пташка встал из-за стола, но в этот момент ноги его ослабли, и он, нелепо взмахнув руками, рухнул на пол как подкошенный.

3

Проснувшись спустя час, Пташка тяжело поднялся на ноги. Несколько секунд он в изумлении смотрел на спящего Али, пытаясь припомнить, что это за парень и как он сюда попал. Память возвращалась неохотно. Тогда Пташка Божья взял со стола бутылку, вылил в рот остатки самогона, занюхал горбушкой хлеба и снова посмотрел на Али. В голове его раздался щелчок – он все вспомнил. Стараясь не скрипеть половицами, Пташка на цыпочках выбрался из кухни и прошел в прихожую. Там он, опасливо косясь на дверь кухни, снял трубку телефона и набрал номер своего старого знакомого – генерала Грязнова.

– Слушаю! – грозно сказал Грязнов.

Пташка Божья поежился.

– Алло, Вячеслав Иванович?

– Он самый.

– Вячеслав Иванович, это Пташка Божья!

– Что? Какая к черту пта... Ах, Пташка. Ну, здравствуй, Пташка. Чего звонишь?

– Соскучился. Голос ваш давно не слышал.

– Теперь услышал?

– Да.

– Ну, прощай.

– Подождите! – Пташка Божья осекся, испуганно покосился на дверь и повторил, понизив голос почти до шепота: – Подождите, Вячеслав Иванович. Вы ведь знаете, я попусту вас никогда не тревожу. Раз звоню, значит, есть повод.

– Продолжай.

– Нам бы встретиться. Лично.

– Что, трубы горят? Хочешь пивка на халяву попить?

– Вячеслав Иванович, как вам не стыдно? Речь идет не о моем материальном благополучии, а о жизни десятков... нет, сотен людей! Неужели вы так равнодушны к чужой беде?

– Ладно, демагог. Где ты хочешь встретиться?

– В «Бочке».

– Ближний свет! А почему именно в «Бочке»?

– А там пиво дешевле.

– Что-о?

– Гражданин начальник, я ведь о вашем кармане забочусь. Мой карман пуст и дыряв, и забота ему не нужна. Да и место тихое, никто нам там не помешает.

Грязнов помолчал, потом сказал:

– «Бочка» отменяется. Встретимся на явочной квартире.

– Но Вячеслав Иванович...

– Обсуждению не подлежит. Я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел тебя с ментом. Если тебе потом отрежут уши, я никогда себе этого не прощу.

– Ох и любите вы нагнетать! – вздохнул Пташка Божья. – Воля ваша. Диктуйте адрес.

– Адрес ты знаешь. Серый дом на улице Удальцова. Будешь там через час. Успеешь добраться?

– Попробую.

– Ну, бывай.

Честно говоря, конура была так себе, даром что явочная квартира. Мебель старая, «совдеповская»: два убитых кресла, такой же диван, сервант с допотопными мраморными слониками, скрипучая тахта. На стене – репродукция «Трех богатырей» Васнецова, до того

выцветшая, что от Алеши Поповича остались только шлем да дико вытаращенный глаз, а все остальное было окутано дымкой.

– Я смотрю, здесь ничего не изменилось, – сказал Пташка Божья, с усмешкой оглядывая комнату. – Мило и со вкусом. Как, бишь, это называется?.. Минимализм?

– О своих эстетических пристрастиях ты мне потом расскажешь, – строго осадил его Грязнов. – А теперь давай о деле.

– Как скажете.

Пташка развалился в кресле и закинул ногу на ногу. Несмотря на то что квартирка была ветхая, здесь он себя чувствовал важной персоной.

– Сигаретку позволите?

– Бери.

Пташка вытянул из пачки «Мальборо» сигарету, поднес ее к носу, понюхал, сладко жмуря глаза, и только потом закурил.

– В общем, так, – начал, вальяжно пуская дым. – Сижу я, значит, у себя дома, думаю о жизни, ковыряю в носу, как вдруг – звонок. Открываю – Гусь. Это один пропойца с Казанского вокзала. А рядом с ним – незнакомец...

Пташка Божья подробно рассказал Грязнову о своем новом жилье и о речах, которые тот вел. Не забыл ни про то, что скоро в Москве все «затрясется и заволнуется», ни про «братьев-славян», которые по приказу «чернозадых» эти «волнения-потрясения» устроят. А вдобавок сообщил:

– Когда Али колес своих наглотался, то бредить стал. Вроде как бубнить сквозь сон.

– И что он говорил? – спросил Грязнов.

Пташка Божья сделал скорбное лицо и вздохнул:

– Там много не по-русски было. Но кое-что я разобрал. Что-то насчет подкопа под Москвой.

– Подкоп под Москвой? – Грязнов недоверчиво взгляделся в лицо Пташки и сказал: – Под рекой, что ли?

Пташка помотал головой:

– Этого я не знаю. Но про какой-то подкоп он бубнил точно.

Грязнов задумчиво наморщил лоб:

– Бред какой-то.

– Ну вот, – обиженно поджал губы Пташка, – не для того я вам все это сообщал, чтобы оскорбления слышать, гражданин начальник. Я человек маленький, и обидеть меня легко, но если я обижусь по-настоящему, то уже никогда...

– Ладно, ладно, не ворчи, – оборвал его причитания Грязнов. – Что сообщил – молодец. Объявляю тебе благодарность от лица МВД.

Пташка Божья улыбнулся:

– Благодарность – вещь хорошая, товарищ генерал, а как насчет гонорара? Я, конечно, патриот и страну свою люблю, но задарма работать не привык. Любой труд на благо страны должен достойно оплачиваться, так ведь?

– Так. – Вячеслав Иванович достал из кармана конверт и протянул его Пташке. – Вот, возьми.

Пташка взял конверт и с полным достоинства видом, не глядя, запихнул его в карман. Потом все-таки не выдержал и уточнил:

– Много там?

– Обижен не будешь, – заверил его генерал Грязнов. – Если информация насчет готовящейся операции и о подкопе подтвердится, получишь премиальные. Идет?

– Заметано!

– Живешь там же?

- Угу.
- Жилцу своему о пьяном разговоре не напоминай. Про «волнения и потрясения» не заикайся. Мы сами с ним разберемся. Все понял?
- Так точно.
- Ну бывай.

4

Австрия, Вена. Помещение ОПЕК. За несколько дней до сообщения Пташки Божьей.

Халид аль-Адель выглядел весьма солидно, а со своими собеседниками держался снисходительно и вальяжно, как и подобает арабскому миллиардеру, ведущему переговоры с европейцами. Миллиардеру на вид было не больше сорока пяти лет, а благодаря прекрасному телосложению европейский костюм сидел на нем гораздо лучше, чем на двух его собеседниках.

Альхаров и Копылов ждали от него ответа, их лица застыли в немом напряжении, однако аль-Адель не торопился. Он лениво отхлебнул из пиалы чаю, поставил ее на стол, промокнул губы мягкой салфеткой и сказал:

– Господин Копылов, скажу вам прямо: мне ваша идея кажется интересной. Да вы и сами это понимаете: ведь, пока вы говорили, я не перебил вас ни разу. Предлагаемая вами схема, безусловно, заслуживает внимания. Но она нуждается в большой... э-э... доработке.

– Вас что-то смущает в ней? – спросил Эраст Абдурахманович Копылов.

– Да, Халид, – поддержал Копылова Альхаров, – если вам что-то не нравится, скажите прямо. Мы не первый год с вами знакомы. Раньше вам достаточно было моего честного слова.

Халид аль-Адель вежливо склонил голову и ответил:

– Вы правы, Владлен. Но я, кажется, ничем не выразил своего недоверия. Я и сейчас доверяю вашему слову.

– Тогда в чем дело?

– Дело в том, что я не из тех людей, кто подает милостыню. А вы, – он обвел взглядом сидящих перед ним мужчин и улыбнулся, – вы не из тех, кто ее берет.

Альхаров нахмурился:

– Что это значит, Халид?

– Я знаю, какую выгоду вы получите от нашей сделки. И прекрасно знаю, господин Копылов, насколько вы сейчас нуждаетесь в деньгах. Ваш банк «Омега» находится на грани банкротства.

– Я ничего от вас не скрываю, уважаемый аль-Адель, – обиженно сказал Копылов. – Я пришел к вам с чистыми помыслами и чистыми руками. А что касается моего бизнеса... мне нечего добавить к тому, что я уже рассказал.

– Знаю, – кивнул Халид аль-Адель, продолжая улыбаться. – Все знаю, уважаемый. И верю в ваши добрые намерения. Поймите, я не против того, чтобы вы наладили ваши дела, пусть даже за мой счет. Я сочту за честь вам помочь. Но для этого и вы должны помочь мне. Восток держится на щедрости, радушии и взаимном доверии. Вы ведь чеченец, господин Копылов, и должны это понимать.

Эраст Абдурахманович поморщился:

– Я бы не сказал, что я чеченец. Я просто...

Аль-Адель сделал предостерегающий жест рукой:

– Не надо. Не надо ничего объяснять. В Москве чеченцам приходится туго, и вы вправе себя обезопасить. Что бы обо мне ни говорили, я человек лояльный и не считаю вас отступником. К тому же я знаю, что вы всегда готовы прийти на помощь людям, в жилах которых течет та же кровь, что текла в жилах ваших дедов и прадедов.

Копылов вновь поморщился.

– Халид, твоя привычка говорить намеками раздражает многих, – сказал Альхаров. – Скажи прямо, чего ты хочешь?

Аль-Адель сложил брови домиком и добродушно ответил:

– Я же сказал – помощи. Скоро мне понадобятся свои люди в Москве. И я готов щедро отблагодарить этих людей.

Халид аль-Адель замолчал, оставив, как всегда, фразу недоговоренной. Однако Альхаров все понял. Он повернулся к Копылову, прищурил глаза и тихо спросил:

– Ну?

– Я думаю, мы договоримся, – тихо ответил Эраст Абдурахманович.

Утром следующего дня Владлен Владленович Альхаров по своей обычной привычке заехал в кафе выпить чашку кофе и съесть пару сдобных булочек, до которых был весьма охоч. Он уже собрался выйти из машины, когда резкий толчок, сопровождающийся скрежетом металла, выдернул его из водительского кресла и бросил грудью на руль.

– Твою мать! – выругался Альхаров, мгновенно сообразив, что произошло.

Из машины он выскочил с вытаращенными от гнева глазами и пунцовыми щеками, отчаянно матерясь.

– Ты что делаешь, ублюдок! – крикнул Альхаров по-немецки и – осекся.

Из подрезавшего его «опеля» выскользнуло неземное существо и посмотрело на Альхарова неземными глазами, полными испуга, вины и раскаяния.

– Дамочка, вы что, не смотрите, куда едете? – угрюмо произнес Альхаров.

Ресницы прекрасной незнакомки дрогнули.

– Простите ради бога, – проговорила она глубоким хриловатым голосом. – Видимо, я задумалась.

– Задумалась она, – проворчал Владлен Владленович. – А если бы вы пострадали? Вы понимаете, что могло случиться с вашим милым личиком?

Девушка растерянно улыбнулась.

– Я была пристегнута, – сказала она виновато. – А как вы? С вами все в порядке?

– Со мной-то? – Альхаров оглядел девушку с ног до головы. – Бывало и получше. В груди что-то побаливает, но я думаю, что авария здесь ни при чем. Во всем виноват ваш взгляд!

– Мой взгляд? – вскинула соболи брови девушка.

– О, да. Ваш взгляд разбил мне сердце.

– Вы шутите.

– Нисколько. Я чувствую себя смертельно раненым, и только вы можете помочь мне почувствовать себя лучше.

Девушка улыбнулась, блеснув белоснежными ровными зубками:

– И что я должна для этого сделать?

– Для начала сказать, как вас зовут, а потом выпить со мной чашечку кофе.

– А это загладит мою вину?

Альхаров ухмыльнулся и сказал:

– Частично. Как вас зовут?

– Меня? – Девушка кокетливо потупила взгляд. – Элеонора.

К вечеру следующего дня похолодало, но в этой милой квартирке было тепло и уютно. Невысокие стены, оклеенные бежевыми обоями, мягкий бордовый ковер под ногами; резной шкафчик красного дерева, заполненный безделушками, которые так любят собирать женщины. Темный трельяж, а на нем – целая батарея благоухающих флакончиков и коробочек, названия которых ни о чем не скажут большинству мужчин, но содержимое которых призвано поддерживать красоту и привлекательность их хозяйки. Эх-хе! Хорошо вот так прийти с улицы, забраться с ногами в кресло, и чтобы рядом щебетала изящная девушка, ласковая и ручная, как домашняя кошечка.

Так или примерно так думал Владлен Владленович Альхаров, садясь в пушистое розовое кресло. Он улыбнулся. Ощущение было такое, словно он погрузился в ванну с теплым киселем. Черт их знает, этих женщин, что они находят в такой чрезмерной мягкости? Неудобно ведь. Или их попки устроены иначе, чем мужские задницы?

– Вы уже устроились? – послышался из ванной комнаты глубокий хриловатый голос Элеоноры.

Альхаров облизал вмиг пересохшие губы: одного этого голоса достаточно было, чтобы возбудиться.

– Да! – отозвался он в ответ. – Уже сижу!

Последнее слово вызвало у Альхарова неприятные ассоциации, и он трижды сплюнул через левое плечо.

– Напитки нашли?

– Э-э... – Владлен Владленович завертел изрядно полысевшей головой, увидел рядом с диваном столик, уставленный бутылками и стаканами, и крикнул:

– Да! Все в порядке!

– Наливайте и пейте! А я скоро!

– О'кей!

Владлен Владленович протянул руку, взял со столика бутылку водки, повернул ее этикеткой к свету и тщательно изучил. Затем отвинтил крышку, понюхал горлышко и снова пробежал глазами по этикетке.

– Надо же, – удивился он. – Изготовлено в Москве. Хм... – Он, кряхтя, потянулся за стаканом. – Попробуем, так ли ты хороша на вкус, как на цвет и на запах.

Наполнив стакан на треть, Альхаров на секунду задумался и затем долил еще – до половины.

– Треть – плюнуть и растереть. А половина – никогда не пройдет мимо, – прокомментировал он свои действия.

Из ванной донесся плеск воды. Владлен Владленович представил себе Элеонору, стоящую обнаженной под тугими струйками душа, и по его телу пробежала нервная дрожь. Все-таки девчонка была чудо как хороша.

Вспомнив о сегодняшнем походе в ресторан, Альхаров разулыбался: не каждый день доводится сидеть за столиком с такой красивой и изысканной дамой. Манеры у Элеоноры были, как у принцессы. А что касается ее внешности... Альхаров прикрыл глаза и цокнул языком. Ни один мужчина в ресторане не остался равнодушен к ее чарам. Высокая, статная, с точеной талией и большой грудью, с длинной грациозной шеей, тонким лицом и огромными серыми глазами – должно быть, так выглядела царица Савская. Хотя царица Савская вроде бы была негритянкой? А, не важно!

Владлен Владленович залпом выпил водку, поискал на столе что-нибудь похожее на закуску, не нашел и махнул рукой – и так сойдет.

А какой у нее голос! Как она напевала ему там, в ресторане... Э-э... Черт, что же это была за песенка? Владлен Владленович щелкнул пальцами и тихонько напел:

You give me fever when you kiss me.
Fever when you hold me tight...

Да уж, голос у Элеоноры был так же хорош, как и она сама. Таким голосом следует петь джаз. Она, кстати, говорила, что пела в каком-то джаз-бенде на заре юности... Альхаров снова потянулся за водкой, наполнил стакан, прищелкнул пальцами и пропел:

Fever in the morning,

Fever all through the night!

...Шум воды смолк. Владлен Владленович вслушивался в шорохи, доносящиеся из ванной. Должно быть, она сейчас вытирается. Растирает мягким махровым полотенцем шею, грудь, живот... У-ух! Владлен Владленович опрокинул водку в глотку и крякнул.

Дверь ванной тихонько скрипнула, и спустя несколько мгновений Элеонора появилась на пороге комнаты. У Альхарова при виде красавицы, одетой в полупрозрачный пеньюар, захватило дух.

– Боже-ественная! – проревел он, подражая герою какого-то старого советского фильма, и протянул к Элеоноре руки.

Она улыбнулась, оттолкнулась ладонями от дверного косяка и скользнула к нему на колени.

Альхаров обнял Элеонору рукой за гибкую талию, втянул носом кружащий голову запах, исходящий от ее роскошного тела и хрипло проговорил:

– Элеонор, ты прекрасна, как солнце, взошедшее над морем!

Владлен Владленович произнес это по-немецки почти без акцента, но Элеонора все равно рассмеялась и шлепнула его ладошкой по лысине. Ее сместило то, как он выговаривал некоторые звуки.

– Ты настоящий поэт, Влад! – зажурчал ее голос. – Ты знаешь об этом?

– Я становлюсь поэтом только в твоём присутствии, золотко! Жаль, что ты не понимаешь по-русски. По-русски это звучит в тысячу раз красивее.

– А ты меня научи. Я способная ученица.

– Да? Ну что ж, тогда запоминай.

Он коснулся пальцем ее груди и произнес, переходя на русский:

– Пончик.

– Боньчик, – повторила за ним Элеонора и наморщила нос от смеха.

– А это... – Альхаров коснулся ее упругого бедра, – Булочка.

– Бульочка, – повторила Элеонора и рассмеялась: – Какой смешной язык!

– Иди ко мне, радость моя! Я тебя еще не так рассмешу!

Альхаров сгреб хрупкое тело Элеоноры в охапку, поднялся с ней на руках с кресла, затем крепко поцеловал девушку в прохладные губы и швырнул ее на мягкий диван...

На улице была ночь. На темный потолок спальни падали отблески уличных фонарей. Альхаров и Элеонора лежали в постели и курили. Вернее, курила Элеонора, а Владлен Владленович, лежа на боку, гладил ее шелковистое тело своей огромной пятерней с такой нежностью, которой и сам в себе не подозревал.

Голова у Альхарова кружилась от выпитого, он сознавал, что дьявольски пьян, веки его были тяжелыми, мозг обволокла сонная вата, но спать он не собирался. Как можно спать рядом с такой женщиной? Как можно спать рядом с *таким телом*? А голос, хрипловатый голос Элеоноры он был готов слушать сутки напролет. Этот голос действовал на него гипнотизирующе.

– ...Если ты захочешь, я останусь с тобой, – ворковала Элеонора. – Но я не смогу отказаться от своих привычек. А мои привычки дорого обходятся мужчинам.

– Плевать, – с трудом ворочая языком, проговорил Альхаров. – Деньги для меня не проблема.

– Вчера вечером мне звонил один друг... Приглашал меня покататься на своей яхте...

– К черту! Скоро я куплю десять яхт! И все они будут твоими!

Альхаров не выдержал и поцеловал Элеонору в грудь. Он вновь почувствовал желание и попытался обнять красавицу, но девушка мягко отстранилась.

– Значит, ты стал богачом? – насмешливо спросила она. – Яхты стоят миллионы. Откуда у тебя такие деньги?

Неожиданный демарш Элеоноры слегка обидел Альхарова, но и распалил тоже. «Дикая кошка, тебя не так легко приручить! Но я справлялся и не с такими!» – подумал он. А вслух сказал – вальяжно и уверенно:

– Видишь ли, детка, один арабский миллиардер ссудил моему другу полмиллиарда баксов. Если я буду действовать профессионально... – Альхаров произнес это слово пьяно, с трудом, врасстяжку: «прр-афснально», – ...то мне от этой суммы перепадет солидный куш. Скажи, детка... ты бы хотела, чтобы я взял тебя с собой в Париж?

Элеонора засмеялась:

– Разве это возможно? Ты – и арабский миллиардер! Ты выпил лишнего, Влад. Ты еще не спишь, а тебе уже начали сниться сны. Ты ведь просто бизнесмен.

– Просто бизнесмен? – Альхаров усмехнулся, блеснув в полумраке полоской зубов. – Э, нет, детка. Да будет тебе известно, ты сейчас говоришь не с кем-нибудь, а с полковником КГБ! С бывшим, конечно, но... – Полоска зубов снова блеснула в полумраке. – В этом деле не бывает бывших. Но только об этом – тс-с-с! – Владлен Владленович приложил к губам толстый палец.

Элеонора засмеялась, быстрым ласковым движением взъерошила ему редкие волосы и повернулась, чтоб затушить в пепельнице сигарету. Отблеск фонаря упал на ее голое плечо. В глазах у Альхарова помутилось. Он схватил Элеонору за плечо и развернул ее к себе.

– Подожди, котик, – сказала Элеонора и положила ему на губы теплый пальчик. – Давай сперва выпьем вина. У меня пересохло в горле.

– Вина? – ошалело спросил Альхаров. До него не сразу дошел смысл этого слова, а когда дошел, он горячо кивнул: – Давай!

И потянулся за вином.

Темнота скрывала лучистые глаза Элеоноры. Но если бы Владлен Владленович включил свет, он бы увидел, каким хищным и коварным кошачьим блеском они светятся, когда она смотрит на него.

5

Москва. Кабинет секретаря Совета безопасности В. И. Петрова.

Виктор Игоревич почувствовал, как вспотела рука, держащая телефонную трубку. Однако, когда он заговорил снова, голос его звучал твердо и уверенно:

– Операция должна быть строго засекречена, Вадим Вадимович. Настолько, чтобы о ней не были поставлены в известность ни ФСБ, ни МВД, ни Министерство обороны. – Петров на мгновение осекся, потом добавил: – Возможно, за исключением глав этих служб.

Он замолчал, ожидая реакции президента. Прошло несколько томительных секунд. Петров переложил телефонную трубку из правой руки в левую и вытер вспотевшую правую ладонь о колено.

– Эта секретность обоснована? – спросил наконец президент.

– Да, Вадим Вадимович. Я получил сведения о том, что в этих ведомствах работают люди, снабжающие террористов секретной информацией. Они могут помешать правильному ходу задуманной операции по обезвреживанию террористов...

– Да, да, мы это уже обсуждали. Вы предполагаете задержать участников террористической акции в момент ее реализации?

– Да.

Президент вновь выдержал паузу.

– Виктор Игоревич, – заговорил он, слегка понизив голос, – надеюсь, вы понимаете, насколько осторожно вы должны действовать? Понимаете, на какой риск мы идем и что поставлено на карту?

– Да, Вадим Вадимович. Я все понимаю.

– Что ж, если вы все тщательно продумали... Кстати, насчет кадрового вопроса. У вас уже есть кто-нибудь на примете?

– Да, есть. Я намереваюсь пригласить их к себе на личную беседу.

– Это правильно. Действуйте незамедлительно. Обо всех результатах докладывать мне напрямую. До свиданья.

– До свиданья, Вадим Вадимович.

В трубке слышались короткие гудки. Виктор Игоревич положил трубку на рычаг, медленно повернул голову и посмотрел в окно, хрипло вздохнув, достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

6

Сигарета в пальцах Вячеслава Ивановича Грязнова догорела до самого фильтра и погасла сама собой, оставив после себя расплывающееся облако сизого дыма.

– Вот такие пироги, – закончил свой рассказ Грязнов и вмял окурочек в пепельницу.

Некоторое время в кабинете висела тишина. Александр Борисович Турецкий задумчиво потирал пальцем подбородок, Меркулов помешивал ложечкой давно остывший чай.

Первым заговорил Турецкий:

– Слав, а ты давно работаешь с этой Пташкой Божьей? Кстати, почему Пташка Божья? Что за дурацкая кличка?

– Потому что живет, как пташка Божья, – объяснил Вячеслав Иванович. – Нигде не работает, побирается там-сям и довольствуется малым. А работаю я с ним... не помню точно, сколько лет, но у меня такое ощущение, что он был всегда.

– Странно, как он до сих пор квартиру не пропил. При такой-то жизни, – заметил Меркулов, пробуя остывший чай.

– Квартира – это его якорь, – сказал Грязнов. – Однажды он ее чуть не потерял, так участковый его потом из петли вынимал. Прямо во дворе повеситься хотел. Благо, мы тех аферистов вычислили и наказали, а квартиру Пташке вернули.

– Понятно, почему он к тебе первому побежал, – сказал Турецкий. – А с головой у него с тех пор все в порядке? Может, у него слуховые галлюцинации? Ты же сам говоришь, они там самогончой развлекались. Может, почудилось ему про подкоп-то? Или приснилось.

Грязнов холодно дернул уголок губ и сказал:

– Не знаю, как насчет слуховых галлюцинаций, а со зрением у Пташки точно все в порядке. Я послал своего человека к его дому. Он этого Али пробил, и вот уже час по городу водит.

– И как?

Грязнов вздохнул:

– Пока глухо. Обычный маршрут туриста: Красная площадь, Кремль, Арбат. На цифровую камеру все снимает. Фотограф, блин!

Турецкий побарабанил пальцами по столу.

– Транжир ты, Слава, – без всякого энтузиазма сказал он. – У нас тут каждый человек на счету, а ты кадрами разбрасываешься. Что у тебя, забот мало, что ты оперативника впустую по городу гоняешь?

– Мне тоже плохо верится, – вежливо сказал Меркулов. – Кому придет в голову устраивать подкоп под Кремлем?

– Но сигнал-то проверить надо было, – возразил коллегам Грязнов. – Кстати, документы у этого «горбоносого» мы уже проверили. Зовут Али. Фамилия – Алиев. Между прочим, уроженец Чечни.

– Ну, это еще ни о чем не говорит.

– А что ты предлагаешь? – рассердился Вячеслав Иванович. – Взять его да хорошенько потрясти? Думаешь, с него информация сама собой посыплется? Нет, душа моя. Он тебе ухмыльнется в лицо и скажет: ничего не было, ничего не знаю. А насчет подкопа под Кремлем – это вообще бред сивой кобылы.

– Да ладно, Слав, не кипятись. – Турецкий пожал плечами. – Я ведь на тебя не наезжаю и твои действия не оспариваю. Я просто высказываю свое мнение.

– Знаешь что, Сань, возьми-ка ты свое драгоценное мнение и засунь его...

На столе Меркулова пискнул коммутатор. Константин Дмитриевич нажал на кнопку.

– Константин Дмитриевич, к вам курьер с письмом, – прошептал из динамика голос секретарши.

Вручив Меркулову письмо, молодой курьер с выправкой военного и лицом гипсовой статуи щелкнул каблуками и удалился. Меркулов пробежал глазами письмо, хмыкнул:

– Гм... Интересно.

– Что там? – полюбопытствовал Александр Борисович.

– Нас вызывает к себе секретарь Совета безопасности, – сказал Меркулов.

Турецкий прищурился:

– Кого это «нас»?

– Меня, тебя и Грязнова.

Турецкий и Грязнов удивленно переглянулись. Затем Александр Борисович протянул руку за письмом:

– Дай-ка полюбопытствовать.

– А руки мыл? – усмехнулся Меркулов.

Турецкий не удостоил его ответом, взял бумагу, откинул голову назад и, отодвинув письмо подальше от глаз, прочел его.

– Да, действительно, – подтвердил он, передавая письмо Грязнову. – Все чин-чинарем. И подпись стоит в положенном месте.

Меркулов задумчиво почесал пальцем переносицу и пробормотал:

– Значит, Совет безопасности... Гм, интересно.

– А уж как мне интересно, – усмехнулся Турецкий. – Получил бы это письмо по почте – принял бы за розыгрыш. Есть предположения, зачем мы им понадобились?

– А что тут предполагать, и так все понятно, – пожал плечами Вячеслав Иванович. – Нынче у нас в России что ни месяц, то теракт. Помнишь недавнюю встречу нашего Президента с Президентом США? Что он тогда сказал на пресс-конференции?

– Он тогда много чего говорил.

– А ты не о словах думай, а о сути. А по сути он заявил о необходимости создания в России новой структуры, отвечающей за обеспечение национальной безопасности. Помнишь, что сделал после одиннадцатого сентября Джордж Буш? Он реформировал американские силовые структуры, создав ведомство, отвечающее за борьбу с терроризмом. Как бишь оно называется?

– Министерство общественной безопасности, – сказал Меркулов.

– Именно, – кивнул Грязнов. – Вот и наши решили создать нечто подобное на основе Совета безопасности. И чтобы новая структура не только гонялась за террористами, но и работала на опережение. То есть уничтожала террористов в их собственном логове, в том числе за рубежом.

– Для упреждения нужна широкая агентурная сеть, – сказал Турецкий. – А смею вам напомнить, друзья мои, что генпрокуратура не занимается агентурной деятельностью. Агентурной работой занимаются ФСБ, СВР, МВД и Министерство обороны.

– Для этого нет стратегической необходимости, – пожал плечами Меркулов. – Да и средств на это у Генеральной прокуратуры нет.

– Отдельное ведомство по борьбе с терроризмом – вещь полезная, – вновь заговорил Турецкий. – Но как они собираются решать кадровую проблему? А деньги? Если мне не изменяет память, Министерство общественной безопасности США имеет сорокамиллиардный годовой бюджет и полторы сотни тысяч сотрудников во всем мире.

– Вот и спросишь об этом завтра у Петрова, – сказал Вячеслав Иванович.

Турецкий и Грязнов закурили. Некоторое время мужчины сидели молча, размышляя о приглашении Петрова, о новых функциях Совета безопасности и о прочих серьезных вещах.

Александр Борисович выпустил изо рта струйку сизого дыма, посмотрел, как она расплывается в воздухе, и задумчиво произнес:

– Значит, Совбез у нас теперь вплотную занимается террористами. Что ж, прорисовывается вполне конкретная картина.

– Завтра утром она станет еще конкретней, – заметил Вячеслав Иванович Грязнов, снова пробежал глазами письмо и вдруг нахмурился: – Черт, как неудобно...

– Ты это о чем? – поинтересовался Александр Борисович.

– Да о времени встречи. У меня, понимаешь, на это время запланирована важная встреча. Теперь придется ее отложить.

– Думаю, встреча с секретарем Совбеза будет не менее важной, чем встреча с очередным агентом или уголовничком, – спокойно сказал Меркулов. – Не на чай же он нас к себе приглашает.

– Не знаю, как насчет остального, а чай и кофе нам там точно предложат, – заметил Турецкий. – Форма одежды, конечно, парадная? – с усмешкой уточнил он.

– Конечно, – кивнул львиной головой Меркулов. – Фрак и бабочка, как всегда. Запонки красные, под цвет кремлевских ковров.

Грязнов хмыкнул:

– У меня как раз бриолин кончился. Нечем кудри зализать. Сань, у тебя нет лишней баночки?

– Для тебя – всегда, – с улыбкой ответил ему Турецкий. – Только что ты будешь им зализывать? От кудрей-то одни корни остались. Да и те трухлявые.

Грязнов вздохнул:

– Уйду я от вас, злые вы. Встретимся завтра, в кабинете Петрова. Он, в отличие от вас, человек интеллигентный и не станет грубить генерал-майору МВД.

Вячеслав Иванович затушил сигарету и поднялся с кресла.

7

Погода, вопреки предсказаниям синоптиков, не задалась с самого утра. Деревья стояли черные и понурые, небо было затянуто тяжелыми тучами. К тому же накрапывал мелкий дождь, обещавший к середине дня перерасти в настоящий ливень.

– Давненько я не был в Кремле, – сказал Грязнов, проезжая очередной кордон охраны.

Турецкий хмыкнул:

– А чего тебе здесь делать? Правительство делает ставку на молодежь. А таких стариков, как мы, скоро совсем приглашать перестанут.

– Тем лучше, – философски ответил Грязнов.

– Не знаю, лучше или нет, но спокойнее – это точно, – заметил коллегам Константин Дмитриевич.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем они оказались в кабинете секретаря Совета безопасности. Кабинет этот, вопреки ожиданиям сыщиков, был большим и светлым. Длинный ореховый стол, удобные мягкие стулья, диван и несколько кресел в тон стенной обивке. Обстановка была деловой, но не лишенной уюта.

Виктор Игоревич Петров, чернобровый мужчина средних лет с выразительным красивым лицом, поднялся из-за стола и двинулся навстречу гостям.

– Здравствуйте, коллеги! – поприветствовал секретарь гостей, поочередно пожимая им руки. Виктор Игоревич был высок и статен, держался он легко и непринужденно – сказывалось его дипломатическое прошлое. Он указал гостям на стулья и сказал:

– Усаживайтесь поближе к столу. Сейчас принесут кофе и чай.

Гости сели, хозяин кабинета – тоже. В дверь кабинета постучали.

– Да, – сказал Петров.

Дверь открылась, миниатюрная секретарша внесла поднос с кофе и чаем и поставила его на стол.

– Оперативно, – похвалил Турецкий.

Петров улыбнулся:

– А как же? Гости этого кабинета должны чувствовать себя комфортно.

– Обстановка вполне к этому располагает, – сказал Грязнов.

Как только дверь за секретаршей закрылась, Петров слегка откинулся на спинку стула, оглядел коллег по-восточному черными, тяжелыми глазами и сказал:

– Начну с того, что дело, по поводу которого я вас пригласил, носит сугубо конфиденциальный характер.

– Разумеется, – кивнул Меркулов.

– Иначе и быть не может, – с легкой, почти неуловимой иронией в голосе сказал Турецкий.

Петров внимательно на него посмотрел и сказал предельно корректным голосом:

– Александр Борисович, я наслышан о ваших политических взглядах, но наш разговор не будет иметь к ним никакого отношения.

– Я надеюсь, – вежливо сказал Турецкий.

– Начну с главного. Коллеги, в ближайшие недели нам предстоит тяжелая работа.

– Вот это «мы» особенно интересно, – прищурился Турецкий. – С этого места, пожалуйста, поподробнее.

Петров спокойно посмотрел на Турецкого и невозмутимо кивнул:

– Да, Александр Борисович, нам. Вы же понимаете, что я пригласил вас сюда не просто так, а по прямому распоряжению вышестоящих лиц.

– По чьему распоряжению? – не понял Меркулов.

Петров усмехнулся, слегка повернул голову и показал глазами на портрет, висящий на стене.

– Разумеется, с вашими ведомствами этот вопрос уже согласован, – продолжил он. – Вы, Константин Дмитриевич, должны будете совмещать аналитическую работу со своей постоянной деятельностью в качестве заместителя генерального прокурора. Я договорился с генпрокурором – он не будет вас сильно нагружать в ближайшие три недели. А что касается вас, коллеги... – Петров перевел взгляд на Турецкого и Грязнова, – то вам придется поработать исключительно над этим делом. С первыми лицами ваших ведомств мы уже договорились. Поэтому, коллеги, я прошу вас немедленно включиться в работу.

– Что ж, предисловие хорошее, – оценил Турецкий. – Теперь было бы неплохо узнать, зачем именно мы вам понадобились.

Виктор Игоревич слегка прикрыл тяжелые веки, словно обдумывая, с чего начать, и начал так:

– Речь пойдет о чрезвычайно важном деле. Служба внешней разведки России получила сообщение о том, что «Аль-Каида» готовит операцию в Москве. Характер операции пока неизвестен, но доподлинно известно, что ее цель – вызвать в Москве беспрецедентные разрушения. Террористы уже приступили к созданию в Москве террористической сети для осуществления этой операции.

– От кого пришло это сообщение? – спросил Грязнов.

– От наших коллег из ЦРУ, – ответил Петров. – В свою очередь, они получили эту информацию от своего агента, работающего в Ираке под прикрытием. Он внедрен в низовую структуру «Аль-Каиды».

– Подробности операции известны?

Секретарь Совета безопасности покачал головой:

– Нет. Мы должны проверить информацию, поступившую от американцев. Если в ней есть хоть доля истины, мы обязаны предотвратить террористический акт.

– Кто будет осуществлять руководство операцией? – спросил Меркулов.

– Мой новый заместитель, – ответил Петров. – Он появится здесь с минуты на минуту. А пока я продолжаю.

Голос секретаря Совбеза звучал спокойно и ровно, словно он говорил об обычных вещах. Сыщики слушали внимательно, каждый по-своему. Меркулов раздумчиво помешивал ложечкой чай в высокой белой чашке; Грязнов сверлил секретаря Совбеза зелеными глазами и задумчиво барабанил пальцами по столу; Турецкий сидел, подперев щеку ладонью – со стороны могло показаться, что в глазах его застыло выражение скуки, однако это было не так.

Сыщики слушали секретаря, не перебивая; он говорил еще минут пять, посвящая коллег в тонкости предстоящей работы; потом слово взял Вячеслав Иванович Грязнов. Он рассказал Петрову о донесении агента по кличке Пташка Божья. Рассказ Грязнова заинтересовал секретаря Совбеза, несколько раз он останавливал генерала, чтобы уточнить подробности. Когда Грязнов закончил, Петров сказал:

– Я рад, что вы занялись проверкой этой информации. Мне представляется, что все это может иметь прямое отношение к нашему делу. Ваши люди все еще следят за Али Алиевым?

– Да.

– Хорошо.

– Виктор Игоревич, к вам Борис Сергеевич Сергеев! – пропел коммутатор голосом миниатюрной секретарши.

Петров коснулся пальцем кнопки и сказал:

– Просите!

8

Мгновение спустя дубовая дверь отворилась, и в кабинет легкой спортивной походкой вошел высокий мужчина. У мужчины были аккуратно подстриженные седые волосы, сухое загорелое лицо и большие карие глаза с длинными, как у девушки, ресницами.

Это и был заместитель секретаря Совета безопасности Сергеев.

– Ага, а вот и Борис Сергеевич подоспел! – прокомментировал приход седовласого мужчины Петров. – Товарищи, знакомьтесь, это генерал-майор Сергеев, о котором я вам говорил. Он будет осуществлять руководство операцией.

– Здравствуйте, коллеги! – поприветствовал Сергеев сыщиков.

– Надо же! Совсем седой стал, черт! – воскликнул Александр Борисович, легко поднялся со стула и двинулся к Сергееву. – А глаза все те же, как у двадцатилетнего пацана!

Мужчины обнялись, похлопывая друг друга по спинам.

– Сколько лет, сколько зим, – улыбнулся Сергеев. – Ты тоже не особо постарел. Хотя и не помолодел.

Сергеев и Турецкий были старыми знакомыми. Когда несколько лет назад Александр Борисович покинул уютный баварский городок Гармиш-Партенкирхен, где был заместителем руководителя Антитеррористического центра под интригующим названием «Пятый уровень», его место занял Борис Сергеев.

Тогда, несколько лет назад, Сергеев был сухим долговязым мужчиной с такими прекрасными глазами, что, глядя на них, можно было подумать, что истинное призвание этого человека – не борьба с террористами, а поэзия или живопись.

В ту незабвенную пору настоящее имя Бориса Сергеева не было достоянием широкой общественности. В Баварии он работал под именем Клауса Мерца, и был не только сотрудником Антитеррористического центра, но и действующим полковником Службы внешней разведки. Прекрасное знание немецкого языка позволяло ему без проблем сходить за немца.

Личностью Сергеев был колоритнейшей. Помимо немецкого языка, он в совершенстве знал английский, французский и испанский. Долгие годы Борис Сергеевич работал под крышей МИДа в российских посольствах и консульствах США, Великобритании и ФРГ. Сочетая исполнительность и ответственность с творческим подходом, Сергеев пользовался заслуженным уважением у начальства. Будучи лишенным карьерных устремлений, он умудрился сделать себе блестящую карьеру одной лишь честной службой, не прибегая ни к интригам, ни к помощи влиятельных друзей.

В настоящее время Борис Сергеевич Сергеев был генерал-майором госбезопасности, однако солидное звание никак не отразилось на выражении его огромных карих глаз. Они по-прежнему смотрели мягко и мечтательно, как глаза поэта или художника.

– Значит, теперь ты будешь нашим шефом? – с улыбкой сказал Турецкий, разглядывая старого друга.

– Выходит, что так, – ответил тот. – Но это не должно тебя напрягать. Информации у нас мало, работы непочатый край, и пахать придется всем.

– Тогда не будем мешкать, – сказал Турецкий, выпуская Сергеева из дружеских объятий. Сергеев пожал руки Грязнову и Меркулову и уселся за стол.

– Продолжим наше совещание, – деловито сказал Петров.

И совещание продолжилось.

Разговор был долгим, а после того, как он закончился, Сергеев предложил коллегам перебраться в его кабинет для детальной проработки предстоящей операции.

Уже в кабинете Сергеева они наметили совместный план по противодействию террористической группе, которая, по последним сведениям разведки (Сергеев получил их за десять минут до разговора с Петровым), уже прибыла в Москву.

– Нам предстоит выявить этих людей, – сказал Борис Сергеевич, легко хлопнув по столу ладонью, словно придавая вес своим словам. – Узнать не только их фамилии, клички и явки, но – самое главное – выяснить их планы и намерения. Чтобы вы лучше представляли объем работы, я должен ввести вас в курс одного...

Сергеев осекся и кашлянул в кулак.

– ...Одного чрезвычайно секретного дела. Две недели назад в Вене, в помещении ОПЕК, состоялась деловая трехсторонняя встреча. С одной стороны выступал миллиардер из Саудовской Аравии Халид аль-Адель. С другой – пара интересных ребят. Один из них – международный авантюрист, бывший полковник КГБ Владлен Альхаров. Он был уволен в свое время из органов за злоупотребления и моральное разложение. Ныне, как это ни парадоксально, Владлен Альхаров занимает крупный пост в российском энергетическом секторе...

Сергеев вновь кашлянул в кулак.

– Прошу прощения. Простуда, – сказал он извиняющимся голосом, достал из стола пачку леденцов от кашля, положил один леденец в рот и продолжил:

– В частности, Альхаров принимал меры к приватизации самого крупного польского нефтеперерабатывающего завода. Он хотел организовать покупку этого завода крупной российской нефтяной компанией «Прима-нефть». И эта сделка имела все шансы на успех. «Прима-нефть» обещала выплатить Альхарову и его подельнику, польскому миллионеру Анджею Василевскому, пять миллионов долларов в качестве взятки за успешную сделку. Деньги должен был получить и один из совладельцев нефтяной компании – известный российский олигарх Копылов.

Надо сказать, что Альхаров и Копылов часто работают в паре. Не знаю уж, как они спелись, но сотрудничество идет на пользу обоим. Копылов был третьим участником встречи. Его интерес предельно ясен. Заключив сделку с Халидом аль-Аделем, он сможет присосаться к нефтяной трубе Саудовской Аравии. Но в данный момент, – Сергеев сделал особый упор на словах «в данный момент», – нас с вами интересует совсем другое. Дело в том, что эту встречу прослушивали итальянская и польская разведки.

– Надо же, – дернул бровью Меркулов. – А эти-то там как оказались?

Сергеев ответил:

– Они вышли на эту троицу совершенно случайно. Альхаров был под колпаком у итальянской разведки, подозревающей его в близких контактах с сицилийской мафией. Итальянцы считают, что Альхаров снабжает итальянскую мафию оружием, а также получает большие деньги за незаконную эмиграцию албанских преступников в Италию.

– Албанских? – удивился Грязнов.

– Угу. – Борис Сергеевич усмехнулся и покачал головой: – Между прочим, для итальянских правоохранительных органов это сейчас проблема номер один. Албанские карманники, домушники и просто убийцы уже заполонили собой все Адриатическое и Средиземноморское побережье. Итальянские власти не знают, что с ними делать. Однако, с вашего позволения, я продолжу свой рассказ.

– Да уж сделай милость, – кивнул Турецкий.

– Итак, итальянцы следили за Альхаровым, считая, что он выведет их на мафиозную сеть. Но никакого отношения к сицилийцам или албанцам встреча не имела. Разговор шел о какой-то секретной операции явно террористического направления, которая намечалась в Москве и которую международная сеть «Аль-Каиды» поручила осуществить организации «Бригада аль-Каиды».

Турецкий наморщил лоб:

– Что-то я о такой не слышал.

– Я тоже. Но террористические организации в наше время плодятся как грибы. И так, из разговора Альхарова с Халидом аль-Аделем итальянцы поняли, что в России начинается формирование террористической организации под условным названием «Русская бригада аль-Каиды». Итальянцы взяли Альхарова в оборот и сумели добыть более подробные сведения. Для этого им пришлось подключить к Альхарову одну из самых шикарных проституток Вены, некую Элеонору Вебер.

Грязнов тихонько присвистнул. Меркулов усмехнулся. Борис Сергеевич тоже дернул уголками губ и пояснил:

– Элеонора Вебер не только спит за деньги с мужчинами, но и оказывает информационные услуги итальянской разведке. За приличное вознаграждение, разумеется.

– Прямо Мата Хари, – с иронией заметил Турецкий.

Борис Сергеевич кивнул:

– Что-то вроде этого. Итальянцам повезло: Альхаров оказался редкостным болтуном.

– Вот тебе и бывший полковник КГБ, – вздохнул Грязнов. – Какого мнения будут теперь итальянцы о наших спецслужбах?

– Итальянцы, рассказывая нам об этом, не скрывали насмешки. Авторитет бывшего КГБ сильно пошатнулся в их глазах. Но не будем о грустном. И так, Альхаров сболтнул Элеоноре, что некий арабский богач ссудил большую сумму денег некоему русскому олигарху, который стоял над пропастью и вот-вот мог погореть. Вы, конечно, уже поняли, что Альхаров имел в виду Халида аль-Аделя и банкира Копылова. Его банк «Омега» действительно находился на грани банкротства. И...

Тут Сергеев вновь закашлялся, на его карих глазах показались слезы. Он виновато улыбнулся коллегам, затем достал платок и хорошенько высморкался.

– Ты в поликлинику-то ходил? – участливо поинтересовался Турецкий.

Сергеев махнул рукой:

– Да, был. Говорят, бронхит.

– Сидел бы дома, лечился!

– Вот вычислим террористов и полечусь. А пока – некогда. – Борис Сергеевич спрятал платок в карман, кинул в рот еще один леденец от кашля и продолжил рассказ:

– Мадам Элеонора выяснила, что Халид аль-Адель ссудил Копылову восемьсот миллионов долларов. Взамен Копылов дал клятвенное обещание профинансировать секретную операцию в Москве. В этой операции будет задействован и сам полковник Альхаров, за что араб отвалит ему очень приличный гонорар. – По губам Сергеева пробежала тонкая усмешка. – После завершения операции Альхаров рассчитывает хорошенько оттянуться в Вене. Между прочим, он так сильно очарован мадам Элеонорой, что позвал ее с собой в Париж насладиться всеми прелестями роскошной жизни. Итальянцы поспешили сообщить обо всем нашей Службе внешней разведки. Директор СВР Олег Уткин поделился этой информацией со мной. Ну а я, в свою очередь, с Петровым и с вами.

Сергеев замолчал. Турецкий лукаво посмотрел на приятеля:

– Это ведь не все, что ты хотел нам рассказать, правда?

Борис Сергеевич улыбнулся и покачал головой:

– От тебя ничего не скроешь. Сегодня в Москву должен прилететь наш с тобой старый знакомый – полковник Питер Реддвей. Видимо, завтра он прибудет к нам на один день, чтобы поделиться конкретными сведениями. Вот, собственно, и все.

Сыщики оживились. Все трое знали, что радушный Питер не только напичкает их «секретнейшей информацией», но и обязательно затащит их в самый шикарный ресторан Москвы, где будет потчевать лучшими яствами и напитками. И отказать ему будет невозможно – впрочем, вряд ли кому-нибудь из сыщиков могла прийти в голову подобная мысль.

Обсудив приезд Реддвеля и отпустив по этому поводу пару шуток, Турецкий вдруг резко сменил тему и спросил, глядя Сергееву прямо в глаза:

– А теперь вот что, друг ты мой любезный. Я посчитал излишним задавать этот вопрос Петрову, но тебя спрошу. Почему нас привлекли к этому делу? Именно нас – меня, Славу, Костю? Тебя, в конце концов?

По всей вероятности, Борис Сергеевич ожидал такого вопроса, поскольку не был застигнут врасплох и спокойно выдержал взгляд Турецкого.

– Видишь ли, Саня... – Сергеев нахмурил лоб, подбирая слова, – для противодействия террористам Совету безопасности позарез нужны аналитики и оперативники. А своих специалистов и оперативных формирований, как известно, у секретаря Совбеза нет. На недавнем совещании у президента было решено в пожарном порядке привлечь к работе специалистов из других силовых ведомств, образовать спецгруппу из аналитиков, следователей и оперативных работников.

– Да, но почему выбор пал на нас? – повторил свой вопрос Александр Борисович.

– С санкции самого президента секретарь Совбеза обязан срочно сформировать группу из числа сотрудников силовых ведомств, которым он лично доверяет. – Сергеев пожал плечами: – Видимо, вам он доверяет. Вот и все объяснение.

Тут уж не выдержал даже Грязнов, которого в большинстве случаев нелегко было вывести из себя:

– Борис Сергеич, хватит пудрить нам мозги. Говорите все как есть. Почему к этому делу не привлекли комитетчиков?

Морщины резче проступили на лбу Сергеева.

– Тут есть еще кое-что, о чем я должен вам сказать. В Совбез поступили агентурные сведения о том, что у террористов имеется свой агент, «крот», внедренный в силовые структуры. Но в какие именно – неизвестно. Подозрение падает сразу на три ведомства: на ФСБ, на МВД и на Министерство обороны. Именно поэтому было решено привлечь к антитеррористической операции проверенных и профессионально подготовленных людей из Генеральной прокуратуры, Службы внешней разведки и Службы собственной безопасности МВД РФ. Среди этих людей оказались и мы с вами, господа офицеры.

– Нормальное кино, – нахмурился Турецкий. – Ты нам все рассказал? Ничего больше не скрываешь?

– Да вроде нет.

– Будем считать, что говоришь правду.

Турецкий посмотрел на Грязнова, и тот, усмехнувшись, подтвердил:

– Будем.

9

Огромный, как гора, с широченными плечами и мощной бычьей шеей, Питер Реддвей выделялся из толпы, как выделялся бы медведь в собачьей стае. Однако, несмотря на внушительные размеры, одет американский гость был модно и элегантно. Умение стильно одеваться и безукоризненная аккуратность были отличительными чертами мистера Реддвея. Он мог не спать двое суток, гоняясь за террористами, однако по истечении этих суток – как, впрочем, и в процессе – он всегда был гладко выбрит, а под вычищенным пиджаком на нем всегда была свежая сорочка. На переносице Реддвея поблескивали очки в золотой оправе, смягчая резкость его крупных черт и придавая его широкому лицу оттенок интеллигентности.

Завидев Турецкого, Питер Реддвей широко улыбнулся, бросил сумку к ногам и, растопырив ручищи, двинулся на важняка.

– Здравствуй, Александр! – громогласно поприветствовал он Турецкого по-русски и сжал его в медвежьих объятиях. Суставы Александра Борисовича хрустнули.

– Вот черт огромный, осторожней! – весело запротестовал Турецкий. – Раздавишь ведь!

Питер Реддвей выпустил Турецкого из объятий. Затем обхватил его за плечи и, повернув к свету, оглядел, как Тарас Бульба оглядывал своего сына, прибывшего на побывку из бурсы.

– Не изменился, – резюмировал он, переходя на английский язык. – А что скажешь про меня? Я уже похож на Фальстафа в старости?

– Скорей, на Гаргантюа в молодости.

– Гаргантюа был обжорой, а я, как ты знаешь, ем умеренно. Ох, как же я рад тебя видеть, дружище! – Он вновь обнял Турецкого, затем наклонился и легко подхватил огромную сумку. – Ну что, куда прикажешь идти?

– Все как обычно. Машина уже ждет.

– Надеюсь, «мерседес» S-класса? – иронично поднял брови мистер Реддвей.

Турецкий улыбнулся:

– Увы, пока только «пежо». Твоего любимого бежевого цвета. А «мерседес» надо еще заслужить.

– Эх, – вздохнул Реддвей, – не ценят меня в России, совсем не ценят. Ладно, «пежо» так «пежо». Чего встал, Александр Борисович? Шевели батонами!

Последнюю фразу американский гость произнес по-русски.

Турецкий глянул на Реддвея и иронично хмыкнул; американец любил бравировать своим знанием русского языка и обожал жаргонные словечки, которые он выуживал из каких-то совершенно невообразимых источников.

– «Батонами», говоришь?

– А что, разве не так выражается современная российская молодежь? – удивился Реддвей.

– Смотря какая, – резонно заметил Александр Борисович.

Старые друзья двинулись к машине.

Часом позже Питер Реддвей сидел в кабинете секретаря Совета безопасности, Виктора Игоревича Петрова. Петров представил его членам следственно-оперативной группы. Перед тем как подняться с места и приступить к докладу, Питер Реддвей шепнул Турецкому на ухо:

– Твой шеф забыл добавить, что я не только руководитель «Пятого уровня», но и действующий сотрудник ЦРУ. Не знаю, понравится ли вашим парням то, что какой-то цэрэушник будет толкать речь?

«Толкать речь» Реддвей произнес по-русски, явно наслаждаясь звуками чужого ему языка и своим умением правильно их произносить.

Турецкий пожал плечами:

– Можешь не напрягаться по этому поводу. Это раньше цэрэушники были врагами СССР, а нынче вы – наши главные партнеры в деле борьбы с международным терроризмом. Так что, как говорят у нас в Москве, расслабься и получай удовольствие.

– Постараюсь.

Реддвей встал со стула, обвел присутствующих спокойным взглядом, затем наморщил широкий выпуклый лоб и заговорил:

– Господа, мое выступление не будет длинным. Я просто проясню кое-какие факты, о которых вы уже слышали. Начну с того, что собрать информацию об организации, которая намерена провести теракт в Москве, нам помог наш агент, внедренный в «Аль-Каиду».

Реддвей замолчал, дожидаясь, пока переводчик переведет его слова. Затем продолжил:

– Смею вас заверить, что агент этот не из тех, кто бросает слова на ветер. Несколько дней назад я лично встречался с ним...

Рассказ Реддвея присутствующие выслушали с живым интересом. Чувствуя расположенность аудитории, Питер Реддвей то и дело прибегал к русским словечкам (он считал, и не без основания, что они украшают и оживляют его речь), а также к лирическим отступлениям, от которых никак не мог удержаться.

– Как это ни странно, господа, – сказал Реддвей, поправив золотые очки, – но арабских террористов породили две страны: СССР и США. Вернее сказать, две организации: КГБ и ЦРУ. Я бы даже сказал, что КГБ был папой, а ЦРУ – мамой всех этих негодяев. – Слова «папа» и «мама» Питер произнес по-русски. – Как говорил Гойя, «сон разума рождает чудовищ». Наши чудовища – это международные террористы. В семидесятых годах, – продолжил Реддвей, когда переводчик умолк, – мы пристально следили за летним лагерем Университета имени Патриса Лумумбы в городе Туапсе. Там отдыхали ваши гости из иностранных держав. Иранцы, ливанцы, афганцы, впоследствии ставшие главарями мировых террористических организаций. КГБ оберегал и подкармливал их. Не уступало им и ЦРУ...

Разоблачив в глазах присутствующих неправильную политику ЦРУ, Реддвей дружелюбно улыбнулся и добавил:

– Впрочем, все это дело прошлого. Надеюсь, мы никогда больше не повторим наших ошибок.

– Дай-то бог, – тихо проговорил Турецкий, как всегда, настроенный скептически.

Вновь перейдя к сути дела, Питер Реддвей подробно рассказал о каналах, по которым информация о готовящихся терактах поступает в разведслужбы США (утаив ровно столько, сколько было нужно), и о способах получения сообщений от агентов, внедренных в «Аль-Каиду».

– По нашим сведениям, – сказал Реддвей, – организация «Русская Бригада аль-Каиды» уже прибыла в Москву и начала подготовку к теракту. Напомню, что это та самая организация, которая взяла на себя ответственность за недавние катастрофы в России. У нас нет никаких сомнений, что люди, стоящие за этой вывеской, принадлежат к ядру руководства «Аль-Каиды». Имя одного из фигурантов этого дела, миллиардера Халида аль-Аделя, на Ближнем Востоке широко известно. Известно также и имя его младшего брата Аймана аль-Аделя. Этот молодой врач стал «правой рукой» Усамы бен Ладена. Нам, так же, как и вам, известно, что однажды он уже приезжал в Россию. Поскольку на руках у Аймана был суданский паспорт на вымышленное имя, а сам он был без бороды, в европейском платье и представился коммерсантом, ваши спецслужбы не признали в нем одного из самых опасных террористов мира. На территории России аль-Адель встречался с ваххабитами. В частности, он провел переговоры с Басаевым и Масхадовым. Мы полагаем, что Айман аль-Адель на самом деле не столько «правая рука», сколько «голова» бен Ладена. Поэтому наш с вами долг сделать все, чтобы эта голова, как говорят у вас в России, гнила на нарах.

Последняя фраза, произнесенная на ломаном русском языке, развеселила собравшихся. Реддвей сделал паузу, любуясь произведенным эффектом, и лишь затем продолжил:

– Так вот. По нашим данным, Айман аль-Адель вновь собирается в Россию. Не исключено, что на этот раз его визит будет связан с предстоящим терактом в Москве. К сожалению, на данный момент это вся информация, какой мы располагаем.

Закончив свое выступление и ответив на вопросы членов следственно-оперативной группы, мистер Реддвей устало уселся на стул, достал из кармана шелковый платок и, вытирая пот со лба, прошептал Турецкому на ухо:

– Ну, Александр, теперь я считаю свою миссию выполненной. Твои коллеги выудили из меня все, что я знал. Боюсь, что в пылу беседы я даже выдал им парочку государственных тайн. – Реддвей лукаво улыбнулся.

В ответ Турецкий хмыкнул и сказал:

– Ну да, от тебя дождешься.

– Точно тебе говорю, – заверил друга Реддвей, – меня теперь уволят с работы. Но перед тем как покончить с карьерой, я успею закатить пирушку. Ты свободен сегодня вечером?

– А ты как думаешь? – ответил Турецкий вопросом на вопрос.

Вечером Реддвей, Турецкий, Грязнов и Меркулов встретились в уютном ресторанчике на проспекте Мира.

Реддвей и Меркулов, полистав меню с японской кухней, заказали себе горячие суши с угрем, грибной суп, несколько куриных шашлычков, которые именовались в меню не иначе как «якитори», и по порции китайских пельменей. Турецкий и Грязнов предпочли более традиционные блюда – салатики, бараньи шашлыки и селедку.

Что касается спиртного, то здесь вкусы коллег совпали абсолютно, и вскоре запотевший от холода графин с водкой украсил их стол.

Выпив по первой, коллеги продолжили беседу, начатую в кабинете секретаря Совета безопасности.

– Самое главное, что вам известны имена некоторых злоумышленников, – сказал Реддвей, – а значит, вам есть от чего отталкиваться.

Ему никто не возразил.

После второй рюмки Реддвей перешел к критическим замечаниям общего характера.

– Ваше самое слабое место – это агентурная работа, – сказал он. – О, когда-то у КГБ были первоклассные агенты! Но, видимо, теперь они там же, где и само КГБ.

– Увы, но большие перемены почти всегда сопровождаются большими потерями, – отреагировал на замечание американца Турецкий. – Что и говорить, агентурная работа у наших спецслужб откровенно провисает.

– Поэтому Петров и делает ставку на МВД, – заметил Грязнов. – Мы, конечно, не чекисты, но большинство жуликов и убийц, которых мы отправили на нары, до сих пор расхаживали бы по улицам, если бы не наши осведомители и информаторы.

Реддвей ловко подхватил палочками рисовый шарик, начиненный угрем, и отправил его в рот.

– Если вам интересно мое мнение, – сказал он, жуя суши, – я вам скажу так: главная реформа силовых служб в России должна заключаться в том, чтобы они перестали быть средством экономического рэкета и политического сыска. Они должны заняться своими прямыми обязанностями: борьбой с террором и защитой безопасности граждан. Недавний захват школы показал, что российские спецслужбы действовали вразнобой. А это, по меньшей мере, непрофессионально!

Грязнов недовольно крикнул. Реддвей посмотрел на него и сказал:

– Вы знаете, друзья, я не из тех, кто не видит бревна в собственном глазу. Я прекрасно понимаю, что провалы есть не только у вас, но и у нас. Иначе бы у нас не было одиннадцатого сентября.

– И Ирак не превратился бы в гнездо террористов, – заметил Грязнов.

Реддвей открыл было рот, чтобы возразить, но Турецкий положил ему руку на плечо и сказал:

– Не время и не место спорить. Давайте лучше выпьем.

Он разлил водку по рюмкам. Мужчины выпили, и тогда высказался Меркулов:

– Понимаешь, Питер, важна не только агентурная работа. Важно лишить террористов финансовых средств, создать финансовый вакуум вокруг их эмиссаров. А с этим у нас еще хуже, чем с агентурной работой. Президент недавно намекнул, что в ближайшее время могут быть расширены полномочия Службы по финансовому мониторингу, так что осознание проблемы налицо. Кстати, насчет «Русской бригады Аль-Каиды». С какого момента вы отслеживаете ее появление?

– Впервые они дали о себе знать в июле этого года, – сказал Реддвей. – Тогда они угрожали взорвать Москву, но вместо этого совершили покушение на министра финансов Пакистана, назначенного на пост премьер-министра. Это был показательный акт, демонстрация силы и решительности. А после взрывов самолетов у вас в России они объявили на своем веб-сайте, что это только начало кровавой войны против тех, кто посвятил себя уничтожению ислама.

– Ясно.

– Знаете что, друзья... – Реддвей поднял свою рюмку, – мне меньше всего хотелось бы ссориться с вами. Честное слово! И давайте выпьем за то, чтобы между нами никогда не выросла стена. Ни железная, ни какая-либо другая.

– Хороший тост, – кивнул Грязнов.

– Безусловно, – подтвердил Турецкий.

Мужчины чокнулись и выпили.

10

Дабы избежать путаницы в действиях, Грязнов, Турецкий и Меркулов решили отнестись к предстоящей операции, как к обычному следственному делу. Собрав информацию из разных источников, Александр Борисович сел за стол и составил общий план предстоящих оперативных и следственных действий. На это у него ушло пара часов, и теперь перед Турецким лежали отпечатанные на принтере листы плана.

Еще часом позже Александр Борисович ознакомил со своим планом Сергеева, Меркулова и Грязнова. После высказанных коллегами конструктивных поправок и советов, а также после утверждения плана «вышестоящими органами» (согласование взял на себя Борис Сергеев) Турецкий перешел к составлению детального плана, разбив предстоящую работу на отдельные «эпизоды».

Когда и это было сделано, Турецкий стал вызывать к себе следователей и оперативников, с каждым из которых беседовал долго и подробно, описывая ту часть работы, которую следовало взять на себя. Таким образом, каждый член бригады получил свой «эпизод», который он должен был тщательно обдумать, а затем и реализовать с пользой для общего дела.

Для начала Турецкий взял в оперативную разработку следующих фигурантов: Халида аль-Аделя, Эраста Копылова и Владлена Альхарова. Требовалось установить за ними слежку и организовать прослушивание их телефонов.

Само собой, Александр Борисович действовал строго в рамках закона. Для этого ему пришлось обратиться с мотивированным ходатайством в Басманный суд. Суд принял решение без проволочек, ходатайство Турецкого было удовлетворено, и теперь можно было приступать к конкретной работе. Это Турецкий поручил самому лучшему специалисту, своему старому другу и коллеге – Вячеславу Ивановичу Грязнову.

Наряду с полученным заданием Вячеслав Иванович занимался и выяснением личности таинственного чеченца по имени Али Алиев, с которым агент Пташка Божья распивал самогон и который в приступе хмельного откровения поведал Пташке о волнениях и потрясениях, ожидающих столицу в ближайшем будущем. А также о «подкопе под Кремлем» – если, конечно, Пташка Божья правильно истолковал пьяную речь гостя.

Горбоносый Али оказался далеко не так прост, каким показался вначале. А выяснилось это следующим образом. На столе у генерал-майора Грязнова зазвонил телефон. Взяв трубку, он услышал взволнованный голос одного из своих лучших оперативников:

– Товарищ генерал-майор, объект потерян.

Голос Грязнова был деловит и спокоен:

– Вы уверены?

– Так точно. Он вошел в универмаг на Суцевском валу. Мы проводили его до отдела мужской одежды, прождали двадцать минут, затем прочесали весь отдел.

– Ну и? – с металлом в голосе спросил Грязнов.

– Его нигде не было. Он каким-то образом проскользнул мимо нас.

– Плохо, капитан. Очень плохо. Что дала слежка?

– Практически ничего. Али ни с кем не вступал в контакт. Просто бродил по городу, глазел на витрины, и все. Заходил в кино, в кинотеатр «Гавана», но и там ни с кем не контактировал. По крайней мере, рядом с ним в зале никто не сидел.

– Ясно. Сегодня же положите отчет мне на стол.

– Слушаюсь.

– Съездите на квартиру к Пташке и пересмотрите все вещи Алиева. Если, конечно, он хоть что-нибудь оставил. О результатах доложите мне лично. Все понятно?

– Так точно. А если Пташки не окажется дома?

– Значит, вы его найдете. Все, отбой.

Грязнов отключил связь.

То, что оперативники потеряли Али, стало для Вячеслава Ивановича полной неожиданностью. Наружным наблюдением занимались опытейшие сотрудники МВД, обвести их вокруг пальца было совсем непросто. Значит, Али Алиев – если, конечно, это его настоящее имя – прошел специальную подготовку, в состав которой входило и умение уходить от «наружки». Какие еще сюрпризы он преподнесет – неизвестно, и лучше найти его как можно скорее.

Глава третья

Операция продолжается

1

Москва. Офис директора банка «Омега» Э. А. Копылова

Заслышав шаги босса, Анна положила телефонную трубку на рычаг, вынула из стопки бумаг, лежащих на столе, тонкую папку и положила ее отдельно, а затем бросила взгляд на небольшое зеркальце, стоявшее на столе. Пара белокурых локонов выбились из прически, но поправлять их Анна не стала. Так красивее.

Дверь кабинета босса медленно открылась, и Копылов вышел в приемную. Вид у него был задумчивый.

– Эраст Абдурахманович, я отксерила то, что вы просили, – сказала Анна.

Копылов поднял голову, посмотрел на нее рассеянным взглядом, затем кивнул и сказал:

– Да, да. Молодец.

Так же задумчиво он взял со стола папку, раскрыл ее, пробежал глазами верхний лист, затем перевел взгляд на Анну и сказал:

– Ты очень способная девушка.

– Спасибо, Эраст Абдурахманович, – прозвенел в ответ звонкий голосок Анны.

Она откинула со лба выющийся локон. Копылов внимательно на нее посмотрел и вдруг, выйдя из задумчивости, улыбнулся:

– И, поверь мне как своему начальнику, Анечка, у тебя большие перспективы.

– Я стараюсь, Эраст Абдурахманович.

– Правильно делаешь. – Копылов направился в кабинет, но на полпути развернулся и вновь вернулся к столу. Сел на краешек стола и, внимательно посмотрев на девушку, спросил: – Кстати, Анечка, чем ты занимаешься по вечерам?

– Ну... – она пожала плечами. – разными делами.

Копылов чуть склонил голову набок и тонко усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.